

Власов В. Ф.

Я - собака Диоген

В поисках 4-го измерения

16+

Владимир Власов
Я – собака Диоген

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Власов В. Ф.

Я – собака Диоген / В. Ф. Власов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Пёс Диоген дружит с тремя мудрецами, изучающими литературу и философию Древней Греции, и удивляется их неприспособленности к жизни и неумению противостоять внешним обстоятельствам и невзгодам. Отчаявшись, он вмешивается в их жизнь, устраняя препятствия в виде нечистой силы, но бедствия на этом не заканчиваются, и пёс продолжает им верно служить до конца, пытаясь защитить их и разделить с ними судьбу.

Содержание

Предисловие	5
1. Три мудреца и взгляд собаки на мир	6
2. Поездка мудрецов в другой город	12
3. Представление нечистой силы	17
4. Спор мудрецов в поезде	22
5. Игра в карты египетских богов	27
6. Беседа мудрецов на кухне	32
7. Дискурс Гомера с богом Тотом о поэзии	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Предисловие

Как-то в конце лета или в начале осени во время проведения выставки собак в Центральном парке культуры и отдыха, который сорок лет назад, еще при коммунистах, возник на месте бывшего Иерусалимского кладбища, со мной произошел довольно курьезный случай. Я, большой любитель животных, отправился туда, чтобы приобрести породистого щенка. По правде говоря, я всегда избегал посещения этого парка, ибо считал, что веселиться и устраивать шоу на месте, где когда-то под землей лежали усопшие, великий грех. Мне казалось, что души покойных бродят среди зарослей кустов и с негодованием и удивлением смотрят на моих сограждан, которые бездумно пляшут на их бывших могилах, местах, где покоились их кости, устраивают аттракционы с визгом и смехом, превращая "святую землю" в бедлам, зверинец, а по ночам в Содом и Гоморру. В архивах города я прочитал, что еще в начале XIX века из Святой Земли купцами и состоятельными горожанами на это кладбище была привезена иерусалимская земля по примеру флорентинцев с их "Santocampo". К несчастью, эта святыня была осквернена моими согражданами, а кости наших предков были безжалостно выброшены из нее. Одним словом, это место всегда больно защемляло мою совесть, и я обходил его стороной, какие бы интересные события не происходили там, но один мой знакомый сказал, что на этой выставке с аукциона будут продаваться щенки породистой суки доберман-пинчер, и мне пришлось переступить через свои убеждения.

На щенка у меня денег не хватило, и я в расстроенных чувствах сел передохнуть на скамейку в одной из аллеек парка, как вдруг мое внимание привлекла толстая общая тетрадь, забытая кем-то рядом со мной. Я открыл эту тетрадь и углубился в чтение. И чем дальше я ее читал, тем невероятнее мне казались все события, которые последнее время происходили в нашем городе. В этой тетради повествование велось местами без всякой пунктуации, как будто мысли собаки сами собой запечатлелись в строки, если она, конечно, на такое способна. Тетрадь была исписана двумя почерками: одним, неграмотным, без всяких знаков препинания, как если бы собака сама накарябала своей лапой, другой же, напротив, являлся образцом каллиграфии с соблюдением всех соответствующих правил правописания, которым нас когда-то обучали в начальных классах школы. Так я просидел на скамейке до позднего вечера, а когда стемнело, и мои глаза перестали различать строки, то я спешно покинул парк, боясь в сумерках увидеть привидение. Уходя, я захватил с собой эту тетрадь, ведь все равно ее хозяева не вернулись за ней. Дав объявление в газете о моей находке в парке, некоторое время я надеялся, что отыщутся ее владельцы. Но мне так никто и не позвонил. Поэтому я посчитал эту рукопись своей собственностью, и решил опубликовать в том виде, в каком ее нашел. Тем более, сейчас кажется странным тот способ, как она попала ко мне. Будто бы какая-то таинственная рука специально подбросила эту тетрадку на мою скамейку. Вообще-то в мистические силы я не верю, но по прочтению ее в моей душе возникли сомнения в том, что наш реальный мир полностью обходится без мистики. Посудите сами, как могли произойти те необычайные события в нашем городе (свидетелями которых вы являлись или же о них слышали) без вмешательства потусторонних сил.

От себя лишь добавлю, что после прочтения этой рукописи, я уже не ходил по аукционам в поисках породистого щенка, а просто взял с улицы бездомную собаку, приручил ее и не сожалею об этом. Мне попался очень умный пес, которому я тоже дал кличку Диоген.

1. Три мудреца и взгляд собаки на мир

*Если бы руки имени быки, или львы, или кони
Если б писать, точно люди, умели они что угодно, —
Кони коням бы богов уподобили, образ бычачий
Дали б бессмертным быки; их наружностью каждый сравнил бы
С тою породой, к какой он и сам на земле соприсчислен.
Ксенофан (VI в. до н. э.)*

ИСТОРИЯ ОДНО СОБАКИ, ЗАПИСАННАЯ С ЕЕ СЛОВ БОГОМ АНУБИСОМ И ОТРЕДАКТИРОВАННАЯ БОГОМ ТОТОМ

Если вы хотите узнать мою историю то вам придется выслушать очень нелицеприятные вещи о себе не потому что я хочу вас облаять а потому что мы очень не похожие друг на друга существа а стало быть ни о каком родстве душ не может идти и речи к тому же я привык резать правду-матку в глаза и не вилять хвостом не юлить как это делают многие двуногие но вначале разрешите представиться я СОБАКА ДИОГЕН и мне дали эту кличку не случайно меня назвали так потому что вместо конуры я долго жил в омулевой бочке подобно Диогену на берегу большого озера и не имел никакого хозяина затем нашлись люди которые меня приютили и которым я служил потом некоторое время верой и правдой до тех пор пока в них окончательно не разочаровался потому что они привыкли все мерить своими мерками и смотреть на мир через призму очков своей философии но Бог им судья и я хочу рассказать не об этом а о моих приключениях и моем личном боге который подверг меня испытаниям а также о тех поисках духовных ценностей и метаниях моих трех хозяев которые довели себя до окончательного краха впад в конце концов: в состояние тихого помешательства за которым как вы знаете следует уже полная катастрофа увы эти три мудреца не смогли оправиться от потрясений и пришли к финишу на этом свете не лучшим образом мне вспоминается один забавный стишок который я слышал как распевали дети:

*Три мудреца в одном тазу
Пустились по морю в грозу.
Прочнее был бы старый таз,
Длиннее был бы мой рассказ.*

Нечто подобное случилось и с ними с той лишь разницей что они отправились в путь не в дырявом тазу а на перегруженной своей философией лодке все они кончили довольно плохо так один из них выпал из окна другой оказался в тюрьме а с третьим я стал бездомным бродячим псом его также выставила из дома собственная жена которой надоели его причуды и чудачества и он оказался не в лучшем положении чем я вы наверное хотите знать что случилось с ними и как они докатились до такой жизни по правде говоря мне не очень хочется подробно об этом говорить так как первый мой хозяин оставил после себя довольно объемистую рукопись из которой становится ясно что это был за фрукт с ним мне никогда сладко не жилось второй мудрец настолько был рассеянным что всегда забывал меня кормить и если бы он не попал в тюрьму и меня не взял бы к себе его друг то вероятно мне пришлось бы протянуть ноги последний хозяин хотя и был добр ко мне но оказался таким бабником что променял уют тихой квартиры свои мягкие домашние шлепанцы и мой любимый коврик в своем кабинете на жесткую скамейку в парке грязные обувки и рвань изобилующую вшами я также не соби-

раюсь подробно рассказывать об их жизни в сумасшедшем городе их злоключениях и всякую белиберду связанную с их глупостями а просто попытаюсь объяснить причины того что меня и моего господина вынудило покинуть навсегда это цивилизованное общество и стать отшельниками после чего я вновь обрел свое естественное состояние и прекрасное расположение духа и мой хозяин порой завидовал мне и одно время даже сам пытался стать собакой но это ни к чему не привело люди вообще не способны ни на что они не приспособлены к жизни на нашей земле потому что не умеют ни радоваться ни наслаждаться этой жизнью я подозреваю даже что они вообще к нам свалились с луны или с неба да-да поверьте мне а может быть этих чужаков занесло сюда каким-то космическим ветром с другой планеты и в подтверждение этому я могу привести неопровержимые доказательства во-первых скажите мне кто из животных кроме них ходит по земле на задних лапах никто далее кто при падении ломает себе передние а иногда даже и задние конечности как это у них происходит зимой никто далее кто столько времени нянчится со своими детенышами совсем не приспособленными к жизни на земле никто далее кто не удовлетворяется всем тем что их окружает и старается все перестроить по-своему на свой лад опять никто сколько еще нужно доказательств я их могу приводить до бесконечности и все это говорит о том что человек на своей бывшей родине привык к меньшему земному тяготению что позволяло ему жить почти вертикально не падая и не ломая себе рук и ног к тому же там была такая своя особая среда обитания в которой дети быстро созревали и становились самостоятельными этого им не хватает на земле и поэтому они все время стараются изменить все вокруг себя разрушая структуру этой планеты приспособлявая ее под себя и свои нужды во-вторых их тянет часто то в горы то на дно моря где они постоянно изменяют свое давление чего не перенесут другие обитатели земли живущие каждый в своем поясе они постоянно мечтают и все время стремятся куда-то попасть а как их притягивает небо и космос приведу хотя бы один пример с моим последним хозяином когда нас выгнали из дома и нам некуда было деться то вначале мой хозяин пришел в отчаяние и загрустил но затем успокоился и мы некоторое время бродяжничали по улицам города спали в подвалах питались на свалках и помойках потом ушли в лес на природу и паслись некоторое время на вольных лугах перейдя на подножный корм и попутно прибирая к рукам все что плохо лежало затем мы углубились в тайгу и шли долго пока не вышли к большому озеру на горном берегу которого мы ночевали и питались дикими плодами деревьев и растениями мой хозяин подолгу сидел задумчиво на краю утеса и грустно смотрел в ту сторону откуда вставало солнце его постоянно тянуло в небесные просторы однажды утром он увидел на горизонте облачко которое приближалось прямо к нам он вскочил с места и затанцевал от радости когда же облачко приблизилось к утесу он запрыгнул на него и умчался в дальнюю даль оставив меня одного на той горе он забыл обо всем на свете и даже не вспомнил обо мне его верном друге а я так верил в его дружбу и думал что в этом мире мы всегда будем неразлучны...

- Проклятый пес, всю ночь скулит, никому в деревне не дает заснуть.
- А ты гони его камнями, вишь, приبلудился.
- Вышел из тайги, совсем одичал, стал как волк, скоро и кур у нас начнет таскать.
- Ну, уж этому не бывать, сразу прибью, как только замечу такое дело. А все в этом городские виноваты, берут псину на квартиру, приручают, а потом, как надоест, выбрасывают ее на улицу.
- Может быть, его пристрелить, чтоб не мучился.
- Ребята, да что вы нехристи какие поганые, чтобы убивать Животину ни про что, неужто он вам мешает? Смотрите, какой старый, скоро сам подойдет.
- А-а, пшёл вон!

Гав у-у-у ну и народец пошел нынче так и норовит камнем голову пробить или палкой переломать все ребра и откуда у них столько злости берется подниму-ка я заднюю лапу и помочусь в их сторону вот так этим актом я выражу им свое полное презрение а тебя толстая задница как-нибудь подкараулю в темноте и тяпну за ляжку, будешь знать как бросать в меня камни ну ладно уж отойду в сторону вообще-то они люди славные когда спят но уж очень раздражительные не буду им уподобляться они конечно считают меня тварью а сами ведут себя иногда хуже последних тварей вон и луна поднимается над лесом в такие ночки только и придаваться воспоминаниям вот кстати одна история подтверждающая их людскую сущность я тогда служил этому слепому шизикику тому самому что выбросился из окна на мостовую я водил его на поводке по магазинам и в общество слепых он жил возле самой набережной в квартире на пятом этаже дома таких же как он несчастных калек в обществе ему давали на меня деньги чтобы кормить а он сам их прожирал или тратил на всякие там свои щупательные книги и магнитофонные записи а меня морил голодом все хотел стать научным светилом сам жил во тьме а другим хотел светить забавно ему даже удалось написать книжонку о героях Эллады и какие-то там исследования по Гомеру он и себя-то считал вторым Гомером карябал какие-то там стихи и даже знал два мертвых языка – латынь и древне-греческий по-моему его знания ему так и не пригодились при жизни на почве эллинистики он и познакомился с моим вторым хозяином тем что оказался за решеткой кажется настоящим греком и имя у него было какое-то не русское то ли Родеф Нивос то ли Нивос Родеф или что-то в этом роде потом когда слепой разбил свою черепушку от вертикального падения с пятого этажа об асфальт меня забрал к себе этот горе-мыслитель от винных паров после которого я очутился у другого чокнутого Грека-философа по имени Александр того самого что улетел на облаке в дальние дали о чем я уже говорил раньше так что когда-то всю эту святую древнегреческую троицу объединяла любовь к эллинистике поэтому они и дружили сходились подолгу проводили время в умозрительных беседах а больше ничем другим не занимались кроме как чесать языками от них я научился такому что будь я человеком то трижды бы защитил какую-нибудь диссертацию и уж конечно бы получил ученую степень или на худой конец стал бы бакалавром по вопросам политики и экономики Древней Греции но гордиться своими талантами и выпячивать свои знания напоказ свойственно только людям я же скромный пес никогда не страдал ни манией величия ни ущемленным тщеславием так вот та история началась именно тогда когда они однажды вечером собрались втроем на квартире моего слепого хозяина.

Солнце уже зашло, но света еще никто не зажигал. В комнате царили сумерки. Слепому свет был не нужен, гости же сами не решались сделать щелчок переключателем.

– Лучшее время года – это лето, – сказал Грек-философ по имени Александр, – только летом я чувствую в себе такой прилив сил и энергии, что способен свернуть горы.

В окно временами влетал свежий ветерок, принося запах цветущей сирени с набережной.

– А по мне лучше зима, – ответил Нивос Родеф. – Зимой ничто не отвлекает от мыслей, вся тварь уходит в спячку, ни муха не пролетит, ни комар не укусит. Сонное состояние природы концентрирует мозг на каком-либо объекте, хорошо думается.

– А я ненавижу зиму, – заметил Александр, – зимой умерла моя мать, шла по улице, поскользнулась, упала и сломала себе ногу. Перелом шейки бедра. Знаете, после такой травмы обычно все пожилые люди умирают. Моя мать умерла на двадцать третий день.

– А сколько лет было твоей матери? – спросил слепой Гомер.

– Что-то около семидесяти семи.

– Хороший возраст, – похвалил слепой.

– Она жила бы намного дольше, если бы не сломала ногу. Но вот что странно, перед смертью она утверждала, что дважды видела дьявола, и все на одном и том же месте, там, где падала. Один раз упала и больно ушибла руку, а второй раз уже сломала ногу.

– И все на одном и том же месте? – удивились в один голос Нивос Родеф и Гомер.

– Вот именно. Потом я осматривал это место возле тополя, ничего примечательного, но мать утверждала, что как-то раз, еще до этого несчастья видела одного пьяного, который блевал прямо под тополем. Умирая, она просила меня вбить в то дерево освященный крестик.

– И ты этого, как всегда, не сделал? – догадался прозорливый Нивос.

– Да. Как-то все не было времени. Так что до сих пор я еще не исполнил ее последнюю просьбу. И знаете, что интересно, после ее похорон я сам видел этого черта. Но странное дело, он показался мне не с рогами, а с собачьей мордой.

– Может быть, это был египетский бог смерти Анубис? – сделал предположение Нивос.

– Расскажи нам, как это произошло, – попросил слепой.

– Случилось это через полгода после ее похорон, – начал Александр, – я поехал к ней домой, она жила одна, и после ее смерти квартира пустовала, я еще не решил, продать ее или пустить жильцов и брать с них деньги. Не зная, что делать, я время от времени наезжал туда, чтобы полить цветы и немного прибраться. Так было и в тот день, когда я поднялся по лестнице на третий этаж и только возле двери ее квартиры обнаружил, что забыл ключи. Меня охватила такая досада, что я сел на ступеньку лестницы и не знал, что делать. Представляете, проехал пятьдесят километров в душной электричке для того, чтобы вернуться ни с чем. Погода портилась, когда я еще ехал, все предвещало грозу. А тут вдруг прокатили раскаты такого грома, что весь дом содрогнулся, и сразу же ударил ливень, дождь лил как из ведра, невозможно было носа высунуть на улицу, а у меня даже зонтика не было с собой. Так я и сидел на лестнице, как бездомный пес, не ломать же двери. А в доме – жуткая тишина, все затаились, попрятавшись по своим квартирам. Ни музыки, ни разговоров, кругом как будто все вымерли. Потом лестничное окошко потемнело, словно его кто-то прикрыл ладонью. Представляете, днем стало темно как ночью. Я человек не робкого десятка, но и у меня мурашки пробежали по спине. А тут еще молния прорезала небо так, что осветило всю лестничную клетку, и в какое-то мгновение я увидел его, поднимающегося бесшумно по лестнице.

– Кого его? – спросил ошарашенный слепой.

– Ну, кого еще, конечно же, дьявола с собачьей головой.

– Но почему с собачьей?

– А черт его знает.

– И что было дальше?

– Дальше-то?.. Он прошел мимо меня и вошел в мою квартиру, то есть в квартиру моей покойной матери.

– Как же он туда вошел? – обалдело воскликнул слепой. – У него, что же, были ключи от ее квартиры?

– Нет. Ключей у него никаких не было, да и кто ему мог их дать.

– Как же он открыл дверь?

– А он ее и не открывал. Сделал шаг к двери и исчез за ней. Я сразу же понял, что он прошел сквозь дверь, никак ее не повредив.

– Что-то не очень верится во все это, – подал свой голос Нивос Родеф. – Ты рассказываешь нам какую-то фантастику.

– Не верите, ну и не надо, – обиделся Грек-философ. – После того случая я ни разу не переступал порога той квартиры, приезжал в домоуправление, платил за нее и тут же уезжал домой электричкой. Хотел ее продать, но вы же знаете, как трудно сбыть жилье в том городе из-за плохой экологии, к тому же ее квартира старая, с совмещенной ванной и санузлом. На

таких сейчас спроса нет. И оценил-то я ее совсем дешево, и все равно желающих, не нашлось. Никто не откликнулся на мое объявление в газете.

– Кто же это мог быть? – задумчиво спросил слепой.

– А тебе случайно все это не приснилось, пока ты сидел на лестнице? – спросил Нивос Родеф.

– Какое там приснилось. Я, как только пришел в себя, так схватил ноги в руки и пустился бежать без оглядки во всю прыть, как ошпаренный. Когда спускался по лестнице, в ушах ветер свистел. Добежал до автобусной остановки, промок весь до нитки, рубаха и штаны – хоть отжмай. В тот же день уехал электричкой домой.

– И сколько времени после этого прошло?

– Почти год.

– Странно все это.

– Я и говорю.

– А почему раньше ничего не говорил?

– Не знаю. Что, верно, то верно. Никому я не рассказывал об этом случае, словно хранил чью-то тайну.

Кто же это мог быть? хозяин, слепой Гомер.

– А кладбище далеко расположено от дома твоей матери? – вдруг поинтересовался Нивос Родеф.

– Не очень. А что? Это имеет какое-то отношение к данному случаю?

– Пока не знаю. В столь странном деле любая деталь имеет значение.

Но почему ты спросил о кладбище?

– Видишь ли, – построил свое предположение Нивос Родеф, – судя по твоему описанию этого субъекта, его молено принять за бога Анубиса. Больше я никого не знаю, кто бы имел туловище человека и собачью голову. У древних египтян этот бог считался покровителем умерших – вечно снующий по кладбищу черный шакал, которого они называли "стоящим впереди чертога богов". У него был брат – бог Бата с бычьей головой. Но обычно он появлялся в царстве мертвых в обществе бога мудрости, счета и письма Тота с головой ибиса и палеткой писца. Вдвоем они взвешивали сердце умершего и определяли его дальнейшую судьбу в загробном мире.

– Но я видел только одного Анубиса, – вскричал возбужденный Грек-философ. – С ним не было никакого там Бата или Тота.

– Оно и понятно, – успокоил его Нивос Родеф, улыбнувшись. – Они не могли к тебе завалиться все вместе гурьбой. Если ты сразу же дал деру, откуда тебе знать, что там происходило, и не пожаловали ли туда другие боги, например, Гор с головой сокола, Амон с головой барана, богиня Баст с головой кошки и прочие боги египетского пантеона.

– Ты бы не пугал меня, мне и так не до шуток, – заметил Грек-философ, – а лучше бы посоветовал, что делать.

– А не съездить ли нам всем вместе на твою квартиру и не познакомиться ли с ее обитателями, – предложил слепой Гомер. – Я страсть как люблю проникать в жуткие места и щекотать себе нервы.

– Неплохая идея, – заметил Нивос Родеф. – Нельзя оставлять квартиру без присмотра, а то в ней заводится всякая нечисть.

– Я, конечно, буду вам очень признателен за вашу помощь, – смущенно ответил Грек-философ, – и приму ее с благодарностью. А то знаете, как-то нахожусь в дурацком положении. Никому не могу рассказать об этом инциденте, потому что боюсь быть осмеянным, и в то же время не знаю, что делать. Одному мне ехать туда как-то боязно. А вы все же мои друзья. Кому я еще могу довериться.

– Вот и прекрасно! Все решено! – с энтузиазмом воскликнул слепой. – В следующее же воскресенье все отправимся на квартиру твоей покойной матери, Царство ей Небесное, а для пущей безопасности возьмем с собой моего Диогена.

...таким образом мы вчетвером отправились в то странное место где я и познакомился со своим богом.

2. Поездка мудрецов в другой город

*Черными мыслят богов и курносыми все эфиопы,
Голубоокиими их же и русыми мыслят фракийцы.*
Ксенофан (VI в. до н. э.)

Как только настало воскресенье, Грек-философ, Нивос Родеф и слепой Гомер с собакой Диоген встретились на вокзале и отправились вчетвером электричкой на запад. В вагоне Нивос Родеф глубокомысленно заметил:

– Как ни странно, но на вокзале меня почему-то охватило волнение от одной мысли, что вдруг там, куда мы едем, нас ждет сюрприз. Представьте только себе, мы открываем дверь, и нас на пороге встречают Осирис с Изидой и говорят нам: "Добро пожаловать в загробный мир".

– Не говори ничего, а то я в штаны наложу от страха, – воскликнул слепой Гомер.

– Я и так от переживания всю ночь не спал. Вам-то хорошо шутить, – вы находитесь в реальности, то есть в несколько отличном от меня измерении. Вы не только все слышите, но и видите. Со мной же другое дело, у меня совсем другие координаты определения времени, пространства и материи. Иногда мне очень помогает мое воображение, а иногда наоборот, играет со мной скверные шутки, рисуя такие ужасные картины, которые не могут даже и присниться зрячему.

– М-да, – произнес задумчиво Грек-философ, – мне тоже не очень нравится перспектива столкнуться в моей квартире нос к носу с существами, имеющими кошачьи, птичьи или бычьи головы. С меня хватит одного инцидента – встречи с полусобакой-получеловеком.

– Друзья, ко всему нужно относиться легко, – подбадривал их Нивос Родеф, – смотрите на все в этом мире как на приятную шутку, которую с нами пытается играть природа. Ведь Бог и животных создал для нашей с вами забавы. Наши предки в свое время хорошо оценили это и сделали из охоты удовольствие, своего рода спорт не только для себя, но и для кое-кого из своих прирученных четвероногих собратьев.

Взоры всех, кроме слепого, обратились на собаку Диоген.

– К тому же, дорогие друзья, живое существо лучше, чем самая дорогая неодушевленная вещь, – продолжал он. – Напомню вам высказывание Плутарха по поводу разумности почитания животных древними египтянами. Для этого случая я даже специально выписал его мысли на бумажку, вы же знаете, у меня не очень хорошая память в силу моих частых поисков истины в вине.

Но вынул из кармана клочок тетрадного листа и приступил к чтению:

– "Но философы, наиболее достойные похвал, видя в неодушевленных вещах некий скрытый образ божества, считали, что лучше не пренебрегать ничем, что может усилить их культ. Я же считаю, что существа одушевленные, чувствующие, способные к аффектам и морали, гораздо более пригодны, чтобы внушать уважение к их создателю. Я одобряю тех, кто чтит не животных, но божество, которое отражается в них, словно в естественном зеркале, и которое использует этих животных в качестве орудий, хорошо приспособленных для украшения Вселенной. Вещь неодушевленная, как бы она ни была ценна, пусть вся целиком в ожерельях из драгоценных камней, отступает перед вещью, одаренной способностью чувствовать. Так, частица природы, которая живет, видит, таит в себе самой принцип движения и создания, вовлекая в себя какую-то долю Провидения, управляющего миром. Божественная природа, таким образом, по крайней мере, также хорошо может быть представлена живыми животными, как и статуями из бронзы или мрамора, обреченными на тлен и к тому же бесчувственными. Вот это мнение я считаю наиболее приемлемым из всего того, что предлагалось для объяснения культа животных". Ну, как? Неплохо написано? От себя же я добавлю, что древние егип-

тяне были все же умнее нас с вами, предположив, что боги не идентичны нам, и что людей они создали совсем не "по своему образу и подобию". Само разнообразие живого мира доказывает нам как раз противоположное, и только слепые не могут этого видеть. Пардон, Гомер, я не хотел тебя обидеть. Правда, глядя на этого умного пса, трудно поверить, что он способен мыслить подобно нам и пользоваться теми же философскими категориями, которыми мы привыкли оперировать, какой бы осмысленный взгляд он не имел.

– Мой пес очень понятливый, – заметил Гомер, нисколько не обидевшись на замечание об общей человеческой слепоте. – Но все же сравнивать его с нами, людьми, своего рода венцом творения нашего Создателя, глупо. И уж тем более не умно пытаться рассмотреть там, в его глазах что-то подобие разума, близкого к человеческому. Это все равно, что ломать голову и искать какой-то смысл в каракулях, оставленных на песке муравьями, пытаюсь прочитать в них послание нам.

– Я тоже думаю, что Диоген не дотягивает до нас по разуму, – выразил свою точку зрения Грек-философ, – но все же мне кажется, что тут не все так просто, как нам видится на первый взгляд. Откуда нам знать, что он думает о нас, и какие у него мысли.

– Мысли у животного? – воскликнул слепой Гомер. – Это что-то новенькое. Неужели ты и в самом деле считаешь животных мыслящими существами? Да, кроме команд "подай это", "принеси то" или "отведи туда", они ничего не понимают. Какие уж тут мысли.

– Я согласен с вами, – заявил Нивос Родеф. – Тот же Плутарх заметил в своих опусах, что крокодил, совершенно не имея дара речи, должен считаться символом божества, которое, "не отдавая предпочтения ни одному особому языку, запечатлевает вечные законы мудрости в молчании наших сердец". Как сказано, а?

– Интересно, если бы Диоген нас понимал, что бы он нам на это ответил? – задумчиво спросил Грек-философ.

– Уверяю вас, – воскликнул слепой, – что хотя мою собаку и зовут Диоген, она не имеет дара речи, и поэтому никогда ничего нам ответить не сможет.

Все трое рассмеялись.

Жалкие кретины это я-то вам ничего ответить не смогу еще как могу сколько бы вы не думали что благодетельствовали меня дав мне кличку Диоген я слышал из ваших же бесед что в истории было шесть Диогенов и каждому вы перемывали косточки не один раз своими языками и Диогену Аполлонскому и Диогену из Птолемаиды и Диогену Синопскому и Диогену Вавилонскому и Диогену Тарсийскому и даже Диогену Лаэртскому отчего наверное те на том свете вертелись как жареные рыбы на углях а меня вы значит зачислили седьмым Диогеном ну здорово уподобился святым а может быть если разобраться все эти Диогены мне и в подметки не годятся потому как они были людьми такими же как вы жалкие ублюдки первый Диоген был физиком сочинение которого начиналось так;

*Приступая ко всякому рассуждению, следует,
как мне кажется, за основу взять нечто бесспорное.*

Ну что же следуя его указаниям давайте рассмотрим мои преимущества перед ними а попутно и перед вами двуногие остолопы взяв за основу хотя бы три истины первая истина состоит в том что я существую как бы это кому-то не хотелось а где все они я вас спрашиваю от них наверное уже не осталось даже костей от этого факта никак нельзя уклониться вторая истина: я собака что выгодно меня отличает вообще от человека потому как я имею то чего никогда не получит человек а именно пасть с острыми зубами нос с тонким чутьем четыре быстрые лапы теплую шерсть и длинный хвост и хотя моя мохнатая морда не способна отобра-

жать все тонкости и нюансы настроения и характера человека я все же обладаю своими скрытыми достоинствами которые ничуть не хуже человеческих третья истина заключена в том что я мыслящая собака которая своими интеллектуальными способностями намного превосходит вас жалкие двуногие существа да-да не делайте удивленных лиц именно ПРЕВОСХОДИТ я не оговорился ибо я мыслю несколько не хуже вас а намного лучше вы в этом еще не раз убедитесь сами к тому же я имею возможность наблюдать вашу жизнь как бы со стороны чего вы абсолютно лишены так как в таком случае вам пришлось бы перестать быть людьми и превратиться в собак и еще одно мое преимущество я вас понимаю а вы меня нет ну что неужели вы не видите наличия полного моего превосходства над вами как бы там ни было но всем кто решил ознакомиться с моими мыслями придется считаться с этим фактом а как же иначе в противном случае просто бы не существовало этих записей вы вероятно сразу же захотите поставить меня в затруднительное положение своим вопросом как же это я собака своими лапами не способными удержать пера сделал эти записи хороший вопрос но на него я отвечу несколько позже как говорят каждому овощу свое время а сейчас бы я хотел продолжить сравнительный анализ достоинств Диогенов потому как считаю что нет ничего более недостойного чем незаконченное дело или мысль это только люди привыкли братья за одно бросать его и приниматься за другое а в своих мыслях скакать как кони или суесться как обезьяны потом вечно жаловаться на неустроенность своей жизни или невозможность допетрить какую-нибудь истину итак об одном первом я уже сказал второй был синионец который писал о Пелопоннесе третий самый талантливый и мой самый любимый философ от которого мне кажется я произошел был киником в свое время он всем говорил:

Я – собака!

И никто не удивлялся потому что он как никто другой чувствовал преимущества собачьего образа жизни и превосходство нашей философии в наше же время когда я говорю что я собака Диоген умнее двуногих тварей они делают удивленные лица и не верят мне четвертый Диоген был стоиком родом из Селевкии которая находилась недалеко от Вавилона пятый был из Тарса он писал о вопросах поэтики пытаюсь разрешить их шестой Диоген Лаэртский впрочем его скорее звали Лаэртций он описал жизни и мысли тех кто прославился в философии и в кратком виде дал сведения об их воззрениях и каждом учении я же пока не оставил никаких трудов и вероятно не оставлю ибо считаю что итак всего написано в мире слишком много и если бы человечество следовало хотя бы части того разумного что написано то оно уже давно бы стало самым процветающим и счастливым во всей Вселенной но с другой стороны если бы какому-нибудь человеку пришло в голову прочесть все что написано то наверняка бедняга надорвал бы свои интеллектуальные возможности и спятил...

– Приехали, вставай, Диоген, разлежся на полвагона, весь проход загородил.

Электричка остановилась на станции. Трое пассажиров с собакой вышли на перрон и по подземному переходу вошли в здание вокзала. Посмотрев время обратной электрички, они сели на автобус № 4 и, проехав шесть остановок, вышли возле дома, где жила покойная мать Грека-философа.

– Представляю, какой там творится бедлам, – сетовал Александр, указывая дорогу своим гостям. – Пыли, наверное, в три пальца толщиной, все цветы завяли. Моя мать очень любила цветы, все ее подоконники были уставлены горшками алоэ и кактусами. Сейчас от них, вероятно, остались одни высушенные стебли. Целый год их никто не поливал.

– Кактусы могут выжить, – сказал слепой. – Я читал, что это очень неприхотливые растения, способные расти даже в пустыне.

– Вряд ли, – заметил Нивос Родеф, – даже в пустыне за год выпадает несколько капель дождя, к тому же часто растения берут там влагу от конденсации, которая происходит от смены дневных и ночных температур.

Поднимаясь по лестнице, все трое испытывали явное волнение. Грек-философ долго шарил в карманах, отыскивая ключ. Когда же он его нашел, то долго не мог попасть им в замочную скважину. У слепого Гомера тряслись ноги под коленками, как после подъема на Эверест, а Нивос Родеф потирал вспотевшие руки, словно готовился приступить к очень ответственной работе.

– Вот будет интересно, если окажется, что в квартире никого нет, – заявил он, когда наконец Александру удалось открыть ключом дверь.

– Ребята, вы уж меня не бросайте, а то дадите деру, как прошлый раз, что я буду делать?

– Но у тебя же есть собака, – сыронизировал Нивос Родеф, – она тебя защитит.

Но собака Диоген, как только открылась дверь, оскалила зубы и оцетинила шерсть.

– Это что еще такое? – вскричали в один голос Александр и Нивос Родеф.

– Что происходит? – пролепетал слепой. – Вы не забывайте, что я ничего не вижу.

– Твоя собака не хочет входить в квартиру, – ответил Александр. – Это почему же? – удивился слепой.

– Нам бы тоже хотелось это знать, – заметил Нивос Родеф.

Оставив дверь на лестницу открытой на всякий случай, трое мудрецов взяли за руки и вошли в прихожую, силой втащив за собой Диогена. Собака рвалась с поводка, стремясь выскочить вон, упиралась лапами в пол, скулила, одним словом, проявляла все признаки анти-мужества и антигероизма. Но истинную отвагу все же проявили трое друзей. Бросив собаку в прихожей, они, можно сказать, грудью прокладывали дорогу, толкая впереди себя слепого, и все же в этой квартире их ожидал сюрприз. Посреди комнаты стоял большой стол, накрытый белоснежной скатертью на четыре персоны, и ломился от угощения, а кругом царил такой идеальный порядок, который случался, по признанию Грека-философа, только после генеральной уборки его покойной матери. Обомлевшие зрячие философы тарасили глаза по сторонам, слепой же постоянно дергал их за рукав, молча, требуя этим жестом объяснений.

– Что, наконец, здесь происходит? – воскликнул он, потеряв всякое терпение.

Дверь открылась и на пороге смежной комнаты появилась довольно привлекательная девушка с рыжими волосами, заплетенными во множество косичек и уложенными в толстый узел на затылке.

– Извините, – мило улыбнувшись, сказала она мудрецам. – Вы, наверное, являетесь хозяевами этой квартиры. Простите меня за то, что я поселилась здесь без вашего разрешения. Но квартира целый год пустовала. Я же оказалась без крыши над головой, и никак не могла в этом городе найти жилья. Вы не беспокойтесь, я вам заплачу за все время, которое здесь жила.

Грек-философ пожал плечами и, обретя, наконец, дар речи, сказал:

– Да живите здесь, сколько вам угодно. Я и денег не собираюсь с вас брать.

– Вот как? – воскликнула удивленно девушка. – Какой вы милый и добрый. Но, право же, мне неудобно злоупотреблять вашим гостеприимством, к тому же я нахально вломилась сюда, да еще вдобавок вела себя как хозяйка, не спросив вашего согласия. Но все равно, я вас всех отблагодарю.

– Не стоит благодарности, – стоял на своем Грек-философ. – Вы и так много сделали здесь для поддержания порядка, спасли мои цветы. Это я должен выразить вам свою признательность.

Девушка улынулась и сказала:

– Раз так, то прошу к столу, я непременно хочу вас угостить.

– Вы как будто ждали нашего появления, – заметил Грек-философ. – Приготовили такой роскошный стол, и даже предположили, что нас будет трое.

Девушка засмеялась.

– Я вас совсем не ждала, – сказала она, – ко мне должны были прийти трое моих друзей, чтобы отпраздновать одно событие. – Но я рада вашему появлению, закуски и вина хватит на всех. Прошу к столу.

Друзья-философы стали неловко усаживаться за стол, девушка наполнила их бокалы токайским вином. Подняв свой бокал, она предложила:

– Давайте выпьем за наше знакомство.

Мудрецы чокнулись с ней своими бокалами и осушили их содержимое.

– Мы, может быть, представимся друг другу, – предложил Нивос Родеф.

Девушка улыбнулась своей мягкой очаровательной улыбкой и молвила:

– Давайте чуть повременим с этим. Сейчас должны подойти мои товарищи, вот тогда мы все и познакомимся.

В прихожей послышалось рычание пса Диогена.

– Вот они уже легки на помине, – радостно воскликнула девушка и соскочила со стула.

В комнату из прихожей вошли трое молодых мужчин: долговязый жидёнок с длинным носом и черным курчавым хохолком, нависающем надо лбом; коренастый парень с открытым прыщавым лицом и бычьей шеей и довольно симпатичный худощавый юноша с бородкой, подстриженный под фокстерьера.

– Разрешите познакомить вас с моими друзьями, – сказала с улыбкой девушка и стала представлять их в полушутливом тоне, – Тотищев, писатель и поэт, подающий надежды дарование; Баталии, агроном, весельчак и неременная душа любого общества; Арцыбашев, вечный студент и, наконец, я, простая девушка с непростой фамилией Бюстмарк, не путайте с Бисмарком.

Девушка рассмеялась, вызвав у мужчин улыбки. Мудрецы-философы представились и обменялись рукопожатиями с вновь прибывшими. С кухни принесли табуретки, и все вновь разместились за большим столом. Начался пир горой, токайское вино полилось рекой, веселье с каждым выпитым бокалом возрастало, только временами прерывалось воем и скулением пса Диогена, запертого в прихожей. Однако и тому перепало от обильных угощений со стола. Время от времени вечный студент Арцыбашев выходил к нему с куриной ножкой или телячьим языком, поддетым вилкой, с неременной стопкой водки и подолгу не возвращался. Гулянка грозила закончиться далеко за полночь, если бы женатый Грек-философ не вспомнил о времени и не предложил своим друзьям отправиться на вокзал, чтобы успеть на последнюю электричку.

– Как? – воскликнула Катрин Бюстмарк. – Вы уже собираетесь домой, а я вас еще не успела отблагодарить.

– Ну, вот еще, – воскликнул Грек-философ. – И так все было превосходно, такое угощение, такой прием, ни я, ни мои товарищи не забудут этот вечер до скончания своих дней.

– Мы ничего не забудем! – орал захмелевший Нивос Родеф.

– Да-да, нам было очень приятно, – вторил ему слепой Гомер.

– И все равно я вас не отпущу, – заявила смеющаяся девушка, – пока лично не отблагодарю каждого.

– Не отпускай их, Кацхэн, – кричал с конца стола жиденок Тотищев. – Сделай им незабываемый вечер.

– Покажи им, на что способно истинное радушие богини, – подбадривал ее весельчак Баталии.

– Устрой им ночь страстной любви, – подшучивал Арцыбашев.

И тут началось такое, чего совсем не ожидали увидеть и пережить припозднившиеся гости.

3. Представление нечистой силы

*Что среди смертных позорным слывет и клеймится хулою —
То на богов возвести наш Гомер с Гесиодом дерзнули.
Красть, и прелюбы творить, и друг друга обманывать хитро.*
Ксенофан (VI в. до н. э).

Кретины недоразвитые вот вы и показали свое истинное лицо а еще что-то говорите о собаках о нашем аморальном облике и антиобщественном поведении однако в отличие от вас мы хоть и имеем горизонтальный столб спинного мозга и вынуждены смотреть на вас снизу вверх мы не устраиваем таких оргий и дионисовских вакханалий со всевозможными половыми извращениями конечно же и у нас бывают весенние случки когда мы предаемся сексу все скопом в своем обществе и вызываем у вас раздражение но такое явление сезонное и случается крайне редко здесь уж ничего не поделаешь с нашей матушкой природой да мы занимаемся любовью прямо на улицах на виду у всех прохожих но скажите мне уважаемые философы имеем ли мы возможность заниматься любовью скрытно от человеческих глаз вот именно у нас нет для этого условий но даже будь у нас такие возможности мы все равно бы не стали проделывать такого что вы устроили на квартире с той драной кошкой как видно ваша мораль очень отличается от нашей собачьей вы разгоняете наши табуны чтобы мы не шокировали вас и ваших детей лишая нас удовольствия и создавая нам угрозу вырождения но сами-то вы предаетесь сексу круглый год да еще так скверно я все видел когда ваш сотрапезник которого вы называете Арцыбашевым вышел из прихожей в комнату оставив мне сосиску и неплотно притворив дверь и я видел все в щель видел как та сексуальная тварь вскочила на стол и подобно стриптизерше под музыку начала перед вами раздеваться вы лее настолько обалдели что забыли обо всем на свете и только ловили взглядом каждое ее движение а мой хозяин слепой так тот вообще потерял над собой контроль и голову пытался руками дотянуться до нее и пощупать части ее тела затем я видел как она стала раздевать вас всех по очереди под отпускаемые шуточки своих дружков и ни один из вас не воспротивился этому я видел по вашим глазам что такое раздевание вам не только нравилось но вы просто балдели от прикосновения ее рук к вашим телам как будто вас гладили ангелы на вашем пресловутом седьмом небе доставляя вам счастье и наслаждение затем она повела вас голых на диван и двоим показала жестами что нужно с ней делать а слепого поставила у своего изголовья и заглотила его орган деторождения фу какая пакость мы собаки этим никогда не занимаемся потому что имеем элементарные понятия о стыдливости и гигиене довожу это до вашего сведения к тому же мы четко знаем что нужно делать и куда что нужно вводить вы же в силу своей извращенности и низких моральных устоев привыкли трахать кого угодно и куда угодно довелся случай так вы не побрезговали даже кошкой и все это происходит оттого что вы от природы слепы и неразборчивы ну да Бог вам ваш судья с самого начала я не хотел чтобы вы входили в эту нечистую квартиру еще на лестнице перед дверью я почувствовал по запаху неладное и подал вам знак оскалив зубы и ошетинив шерсть но вы даже никак не прореагировали вы силой втащили меня в прихожую к этой кошачьей ведьме неужели никто из вас не обратил внимания на то что голова у нее кошачья слепцы не спорю тело у нее человеческое и сложено грациозно мало кто из ваших представительниц женского пола имеет подобную фигуру но как вы не рассмотрели что глаза-то у нее кошачьи и на верхней губе торчат в разные стороны несколько длинных волосков-усиков а какая у нее прическа вы так и не поняли что она завила столько много косичек чтобы упрятать под ними свои кошачьи ушки торчащие на макушке и уж совсем поразительно что вы не обнаружили у нее хвоста когда она начала раздеваться и это потому что по своей натуре вы настолько развращены что при виде симпатичной женщины и уж тем более голый вы теряете последние остатки

своего разума и уже ничего не соображаете неужели вы ничего не заметили странного в ее дружках вот уж поистине правы те которые говорят что пелена кое-кому застилает глаза вам не показалось даже странным как бесшумно они появились в квартире ведь не было ни стука открывающейся двери ни скрипа заржавевших петель все они проникли в прихожую сквозь дверь как нож сквозь масло а один из них толстяк с бычьей шеей и головой буйвола который представился вам как Баталии наступил даже мне на лапу вы же слепцы не обратили никакого внимания даже на его бычий хвост который он совсем не прятал а нагло демонстрировал вам играя им в своей руке ну и уж совсем не нужно иметь глаз чтобы не видеть в упор рога на его голове видать настолько вы были ослеплены этой красоткой даже представляясь он вам назвал свое истинное имя БАТАлин это же и был египетский бог Бата брат Анубиса моего бога с собачьей головой олицетворяющего именно мое представление божества не скрою что я тут тоже дал маху как только они появились в прихожей я вначале хотел броситься на них и покусать им ляжки но увидев своего бога сник и даже не твякнул ни разу поймите меня правильно и у нас собак бывают свои минуты слабости и мы тоже впадаем в религиозный транс к тому же мой бог отнесся ко мне очень ласково он потрепал меня по загривку и наши собачьи морды взаимно выразили симпатии и полное удовлетворение друг другом затем я пропустил их в комнату и стал ждать что будет дальше чем кончится этот вечер вам также не показался странным Тот с птичьей головой и вы его клюв приняли за длинный нос еврейского юноши вот уж поистине для этого нужно иметь глаза на мягком месте бог с головой ибиса тоже назвал вам свое истинное имя ТОТищев только дуракам могло быть не понятно что он имел в виду мой же бог представился вам как Арцыбашев и я думаю что он сделал это потому чтобы не напугать вас но куда там вы были так увлечены этой красоткой что ничего не видели вокруг себя не замечали ни рогов ни хвостов ни даже клюва вместо носа совсем потеряли голову а еще перед этим вы затеяли этот дурацкий спор о понимании Бога так Анубис прямо вам и заявил что люди создают богов по своему образу и подобию на что вы с пеной у рта стали возражать и как здорово он вас урезонил потом сказав что вы все слепцы и что если мимо вас пройдут настоящие боги то вы их в упор не разглядите как он оказался прав так вот я считаю Анубиса самым умным из всех богов в этом я убедился из коротких бесед с ним когда он выносил мне в прихожую куриные ножки сосиски и прочие деликатесы со своего стола и выпивал вместе со мной рюмку водки он тогда мне еще по секрету и сказал что глупее людей не встречал никого на белом свете я как-то его сразу же полюбил за такие слова а еще он сказал что самонадеяннее чем люди тоже никого нет во всей Вселенной и погладив мою голову он сочувственно заметил что жалеет меня так как мне приходится жить среди таких недалеких кретинов и пообещал мне каждый раз как только у меня случится нужда видеть его приходить ко мне а для этого мне нужно будет просто попытаться поймать зубами кончик своего хвоста потом он еще много говорил нелицеприятных слов о людях и о моих спутниках в частности о том какие они необузданные и похотливые и о том как их мозги брызжут глупостью в разные стороны и о том что вместо глаз у них плоские наполненные грязью и они видят все в мире только в черном цвете а вместо ушей лохани в которые вливается вся грязная помойная муть собранная со всего света поэтому вполне логично что изо рта у них тоже выплескивается только одна вонючая переработанная жижа которую они разбрызгивают на все что видят вокруг себя и мысли у них вязкие застоявшиеся и дурно пахнущие одним словом он ничего не сказал утешительного или оправдательного в ваш адрес а после того как вы отодрали эту драную кошку и показали свое истинное лицо уже я сам стал относиться к вам по-другому и когда поздно ночью в электричке вы возвращались домой произошло главное событие того дня я уже почти ни на что не реагировал лежал в проходе с таким видом а заедите меня комары с мухами и поэтому в свое оправдание я и лапой не шевельнул когда это случилось так все мне осточертело а произошло это после того как вы поупражнялись в своем тупоумии...

– И все же именно поэтому Россия стоит выше других стран своей духовностью, – уверенно заявил слепой. – По сути говоря, в России никогда не было истинно верующих людей, в этом – ее спасение. В нашей стране народ всегда был языческим.

– С этим я не очень согласен, – возразил ему Нивос Родеф. – А как же ты объяснишь, что в России всегда была сильна православная церковь.

– Православная церковь с языческими попами и безбожниками, – парировал на его возражение слепой. – Сравни русских хотя бы с закомплексованными католиками, фанатичными мусульманами, отрешенными буддистами или сомневающимися лютеранами.

– Ты хочешь сказать, что духовность России состоит в ее полном неверии?! – воскликнул Нивос Родеф.

– Вот именно, – злорадно произнес слепой и улыбнулся. – Россия настолько духовна, насколько она безбожна. Это особый вид религиозного неверия в Бога. В мире всегда все относились к русским с большой осторожностью и подозрительностью, потому что не могли понять русскую душу, вернее, разглядеть в русском ортодоксального верующего. Именно за счет своего особого духа русская душа и становилась духовной.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Грек-философ.

– А то, милостивые мои государи, что, благодаря своей крепости задним умом, русские всегда оставались себе на уме.

– Как это понять? – удивился Нивос Родеф.

– А так, – вещал слепой Гомер, – в силу своей тесной связи с природой русские никогда основательно не верили в Бога, а лишь в силы самой природы. И именно потому, что истина обычно всегда покоится в противоположном конце от религии, они всегда стояли ближе к истине, чем другие народы. Благочестивость русских была весьма поверхностной, и религия вторгалась в их жизнь только посредством умопомрачения в години страха и необходимости обретения душевного равновесия и самоуспокоения. Но даже и в такие смутные времена в сознании русских присутствовала философская двойственность, когда свою религию они приспособивали под свои нужды, то есть посредством своих личных чувственных устремлений они вершили идейное построение своей теологической концепции, творя свои собственные аутодафе. Ни одна религия не избилует таким сонмом своих доморощенных святых, как русская православная церковь. В этом отношении, православие чем-то приближается к индуизму, но в отличие от последнего оно не фанатично, и рассматривает божество не как символ веры, а как средство для скорейшего достижения своей конкретной цели. Если один святой не помогает, то можно обратиться к другому заступнику. Ведь так же? В этом отношении русские уже ближе к китайцам, которые, разочаровываясь в своих божках, наказывали их, сбрасывая с пьедесталов и вываливая в навозе, приговаривали: "Скотина, тебя мы поместили на роскошном алтаре, ты жрешь от пуза наши жертвоприношения, и после всего этого смеешь еще куражиться, неблагодарная тварь, не выполняешь наших просьб".

– Наличие большого числа святых еще не доказывает полного неверия в Бога, – возразил ему Грек-философ.

– Согласен, – воскликнул слепой. – Но это уже первый шаг к неверию. Когда теряешь надежду добиться что-либо от самого Бога, то обращаешься к кому-нибудь из его окружения. Ведь так же? Это и есть первый признак духовности, когда человек понимает, что не все так просто в этом мире: попросил милости у Бога и тут же ее получил. Нет, далеко не так, потому что природа алогична и непредсказуема, она не подчиняется человеческим законам и правилам. Человек – сам по себе, природа – сама по себе. Природа загадочна, и подчинить природу своим человеческим законам равносильно тому, как если бы кто-то хотел оседлать морскую волну и некоторое время продержаться на ее гребне. Это невозможно, и поэтому человеку остается одно – познать ее законы и подчиниться им, или для самоуспокоения добиться у нее

мнимой благосклонности и жалкими мольбами, жертвоприношениями и клятвами умиловать ее неотвратимый бег.

– Значит, по-твоему, Бог – слепое орудие? – спросил недовольным тоном Нивос Родеф.

– Бог слепее меня в тысячу раз, – ответил Гомер. – К тому же он нечувствителен ни к чему, это грубая сила, которую можно сравнить в нашем представлении со стихией, как взрыв плазмы в космосе или превращение звезды в черную дыру.

В это время электричка остановилась на станции со странным названием "Сорок седьмой километр". В вагон вошел странный пассажир с бараньей головой на плечах, прошел через весь салон и примостился на скамейке рядом с тремя мудрецами и собакой. Никто на него не обратил внимания.

– Значит, выведя свою формулу Бога, ты считаешь себя умнее других, – язвительно заметил слепому Грек-философ.

– Конечно, – торжественно заявил Гомер. – Только оглянись вокруг себя, и ты везде увидишь одни стада глупых баранов.

При этих словах сосед с бараньей головой удивленно воззрился на трех мудрецов и недовольно скривил свои отвислые губы. И на этот раз никто, кроме собаки, не обратил на него внимания. Пес Диоген приоткрыл один глаз, разинув пасть, зевнул и вновь погрузился в полудрему.

– Я не думаю, что все так просто, – опять возразил Гомеру Нивос Родеф. – Плиний полагал, что доискиваться образа и вида бога есть свойство человеческой глупости. Каким бы ни был бог, если только он иной (чем солнце), в любой своей части он весь – чувство, весь – зрение, весь – слух, весь – душа, весь – дух, он – собственная самость. Поэтому вряд ли стоит обольщаться мыслью, что когда-нибудь мы познаем Бога.

– Тем более такого, – вмешался человек с бараньей головой, – в которого верят иудеи и христиане.

– А что вы имеете против этого Бога? – задиристо спросил его Нивос Родеф.

– Ну, как же, – развел руками получеловек-полубаран, – две тысячи лет церковники пытаются нас уверить, что распятый иудей оказался Сыном Божьим. Что же это за религия и такой Бог, который, как сказано в писании: "Производит на свет детей от смертной женщины; где мудрец призывает не работать больше, не чинить суда, но внимать знамениям предстоящего конца мира; где справедливость принимает жертву невинного, как все искупительную жертву; где некто велит своим ученикам пить его кровь. А молитвы о свершении чуда? А грехи, содеянные против Бога и отпущенные Богом? А страх перед потусторонним, вратами которого оказывается смерть? А образ креста как символ в некое время, не ведающее больше назначения и позора креста"?

– В какого же бога вы верите? – спросил Грек-философ, пораженный ницшеанскими априори незнакомца.

– Я верю в самого себя, – последовал краткий и ясный ответ.

– Но вы же не бог?

– Откуда вам это известно?

– Мы уже встречались сегодня еще с одними в компании, которые тоже утверждали, что являются богами, – вмешался в разговор слепой.

Пассажир с бараньей головой выразил на своей морде удивление и спросил:

– Почему же вы им не поверили?

– Если всем подряд верить, то знаете, куда можно пойти? – заметил Грек-философ, полагая, что удачно сострел.

– Куда же? – вопрошал его полубаран.

На что Грек-философ уже не мог ничего ответить и только развел руками. Пытаясь замять неловкость ситуации, он попробовал оседлать своего любимого конька:

– По мне, так нет никого лучше, чем боги греческого Олимпа. Они не унижали людей, а наоборот, возвышали их до самих себя. Древние греки не опускались до положения безвольных слуг своих богов, их рабов, а сосуществовали с ними, смотрели на них как на эталон для подражания, как почти на равных себе, а иногда в битвах даже ранили их. Боги Олимпа являлись их влиятельными родственниками, в этом и таилось величие души древнего грека. Как кто-то сказал, боги и люди не стыдились друг друга, потому как благородство одинаково являлось их отличительной чертой, и если олимпийские боги теряли над людьми влияние, то греческая жизнь сразу же "становилась мрачнее и боязливее". С приходом христиан все изменилось, мрачный и злопамятный Бог раздавил всех разом, сломил волю человека, погрузив его в вечный страх и унижительный мрак раболепия. Ничего не осталось от гордой и благородной души греков. Возможно, только русские и сохранили в себе некоторые особенности этой высшей касты. Кто еще может похвастаться такими поговорками как: "На Бога надейся, а сам не плошай". Или еще лучше русские говорят в Сибири: "До Бога высоко, до царя далеко". В этом и есть некий элемент русской духовности – обособление себя от Бога, или даже желание самому превратиться в бога. Ведь признайтесь, у вас самого, наверное, нередко возникало желание почувствовать себя богом.

– А что мне чувствовать, – возразила баранья башка. – Когда я сам и есть бог.

Все трое мудрецов рассмеялись. Пассажир же с бараньей головой обиделся. И здесь произошло именно то несчастье, предопределившее судьбу каждого нашего героя. По репродуктору машинист электропоезда объявил приближение к станции "Горка". Пассажир с бараньей головой наклонился к каждому из мудрецов поочередно, запуская свою руку им за пазуху, словно за кошельком, вытащил их души, связал узлом и вышел на станции. Никто, кроме Диогена, не заметил случившегося.

Электричка уносилась дальше на восток

4. Спор мудрецов в поезде

*Тебе, о, Вакх, мы эту укрощаем песнь
Под четкий ритм блестящею мелодией.
Она нова, нескромна, к песнопениям
Всем прежним не подходит. Начинаем гимн,
Никем не запевавшийся!*

"Песнь фаллофоров" (древнегреческих участников процессии в честь Вакха, несших символ плодородия – "фаллос").

Кретины безмозглые распускают языки и не обращают никакого внимания на тех кто к ним подсаживается вступают в споры с незнакомцами совсем не думая о последствиях о том чем это может быть чревато и во что им выльется а какую чушь они там болтали по поводу богов мыслители недоделанные сидели бы и молчали себе в тряпочку вот и поплатились за свое ротозейство потеряли свои души в том что они слепые как котята я уже убедился но вот с их неосмотрительностью я столкнулся впервые ослы вислоухие они даже не почувствовали как всеильный бог царь всех богов Амон похитил их души это о нем сказано в текстах пирамид и книге мертвых:

*Вьшли люди из его глаз, стали боги из его уст;
Ты один обладаешь множеством рук,
Ты простираешь их к любящим тебя.*

Они же ничего не нашли умнее чем поднять его на смех перед этим богом трепетали фараоны Рамсес II был счастлив получив от него благословление на трон когда Амон объявил что он его истинный сын от его плоти защитник на его престоле владыка Египта у другого фараона Тутмоса III на глазах навернулись слезы когда Амон даровал ему победу со словами я даю тебе мощь и победы над всеми чужеземными странами я ниспровергаю твоих врагов под твои сандалии а эти недоноски хохотали ему в лицо ну что я могу сказать здесь уже все мои возможности исчерпаны что-либо сделать и я бессилен не знаю что они сейчас будут делать потеряв свои души им осталось еще потерять остатки своего разума и можно считать что их песенка спета...

– Уф, какой неприятный тип, – воскликнул Нивос Родеф, когда странный пассажир покинул вагон, – в какой-то момент мне даже показалось, что вместо головы у него котелок, наполненный бараньими мозгами.

Все трое рассмеялись.

– А мне почудилось, что он прикоснулся к моей одежде, – заметил самый чувствительный из троих слепой.

– Как бы там ни было, но мы отделались от назойливого собеседника, – объявил Грек-философ, – и поэтому, раз нам никто не мешает, давайте поговорим о сокровенном. Как вам понравился вечер?

– Такое не забывается, – смущенно заметил Нивос Родеф, и его глаза подернулись поволокой.

– А со мной это произошло впервые в жизни, – признался неискушенный слепой Гомер. – Вот бы еще хотя бы разок повторить такой вечер и пережить подобное.

– Мы это можем устроить у тебя на квартире, – предложил Грек-философ. – У себя я этого проделать не могу, так как, вы знаете, женат. А к Нивосу частенько забегает его невеста. Его квартира тоже не очень удобна, если она застучает нас за этим делом.

– Я согласен, – не раздумывая, ответил слепой. – А когда ты ее пригласишь и как?

– Просто, пошлю ей открытку по адресу моей покойной матери, а день ты выберешь сам.

– Здорово! – воскликнул слепой. – Давайте пригласим ее в среду на вечер.

– Чтобы она потом у тебя осталась на ночь? – вдруг резко спросил его Александр.

– Я бы не возражал, – признался слепой.

– Нет уж, дорогой друг, – заявил раздраженно Грек-философ. – Это моя гостья, я ей предоставил квартиру бесплатно на очень длительное время, поэтому имею на нее прав больше, чем все вы.

– Это как сказать, – вмешался в разговор Нивос Родеф. – Госпожа Бюстмарк не вещь, чтобы ее делить между собой. Мы все имеем равные права на нее после того, что случилось. Кого она из нас выберет, тот и станет ее любовником.

– Но у тебя уже есть невеста, – возмутился Грек-философ.

– А у тебя – жена, – парировал Нивос Родеф.

– Но у меня никого нет, не забывайте об этом, – воскликнул обиженно слепой.

– Право же, мы все посходили с ума, – заметил Грек-философ. – Не хватало, чтобы все мы перессорились между собой из-за нее. Это надо же такое, делим шкуру неубитого медведя. Может быть, второго раза-то не будет. Она же сказала вам ясным языком, что решила поблагодарить меня за предоставление квартиры, это как плата за проживание. И к вам это никакого отношения не имеет.

– Но я слышал, что она решила отблагодарить всех нас, – возразил слепой, у которого помимо хорошего слуха была еще хорошая память.

– К тому же, – поддержал его Нивос Родеф, – она пообещала тебе хорошо заплатить за весь год. Это мы тоже хорошо слышали.

– Но я ведь отказался от денег.

– Ясное дело, ты, наверное, решил брать натурой. Ведь так, признайся нам?

– Но это уж мое дело, – заявил Грек-философ.

– Позволь, – воскликнул раздраженно слепой. – После того, что произошло с нами, это уже наше общее дело. И мы должны решить сейчас, что будем делать, я согласен платить тебе за квартиру.

– И я тоже, – поддержал его Нивос Родеф.

– Дураки! – воскликнул возбужденно Грек-философ. – Значит, я уже не хозяин своей квартиры.

– Ты, конечно, ее хозяин, – возразил ему слепой, – но та, кто живет в ней, принадлежит не тебе.

– Может быть, она принадлежит вам? – в запальчивости воскликнул Александр.

– Она принадлежит нам всем, – единодушно заявили слепой и Нивос.

– Может быть, вам и ключи от моей квартиры отдать? – Выходя из себя, воскликнул Грек-философ. – Чтобы я к ней тайком от вас не начал ездить?

– Это хорошая мысль, – поддержал его Нивос. – Я считаю, что до выяснения всех обстоятельств, ключ должен храниться у нашего друга Гомера.

– Я не возражаю, – тут же воскликнул слепой, хватаясь за это предложение, как утопающий за соломинку. – Так будет справедливо.

– Да как вы смеете?! – воскликнул, выходя из себя, Александр. – О чем вы говорите? Я, хозяин этой квартиры, должен отдать вам ключи?! Да никогда в жизни.

– Держи ему руки! – крикнул Нивос слепому и навалился на Грека-философа всем своим телом.

Слепой со своей стороны, как кобра, сгреб того в охапку, обхватив руками туловище, сцепил пальцы в замок – тот даже не пикнул.

– Ребята, неужели вы будете меня обыскивать, – жалобно заскулил Грек-философ в то время, как Нивос ловкими движениями шарил по его карманам.

Наконец злополучный ключ был извлечен из кармана поверженного, после чего тот освободился от цепких объятий друзей.

Нивос, передавая ключ слепому, заявил:

– С настоящего времени мы можем посещать эту квартиру только втроем. Надеюсь, со своих товарищей ты не будешь брать деньги. Мне как-то сразу стало подозрительно, когда он предложил послать ей открытку с приглашением к тебе, Гомер. Голову даю на отсечение, что завтра же после занятий в академии он оказался бы уже у нее дома.

– На своей квартире! – воскликнул возбужденный Грек-философ. – Не забывайте.

– Пока живет там эта девушка, квартира не твоя, – отрезал Нивос. – Она сдана в наем.

– Кретины недоделанные, – взорвался Грек-философ, – да что вы себе позволяете? Как вы можете забирать мой ключ?! Это – проявление элементарного неуважения к частной собственности. Впрочем, я этому не удивляюсь. Я всегда полагал, что вы оба ненормальные, и считаете, что вам все позволено: один в силу своей чокнутой идеи становления богом; другой, считающий себя суперменом из-за своего нигилизма и верящий во вседозволенность.

– Что ты имеешь в виду? – воскликнули оба его оппонента.

В это время в вагон вошел нищий – человек странного обличия в плотно обтянутом черном одеянии. Капюшон ряссы, накинутый на голову, полностью скрывал его лицо. По-видимому, это был старик, так как из-под мантии торчали его скрюченные руки, обтянутые пергаментно-желтоватой сморщенной кожей, в одной из которой он держал посох, а в другой – жестяную миску – неотъемлемый атрибут всех побирušек, просящих подаяние. Старик медленно двигался по рядам подобно живой мумии, до того его тело казалось худым и тщедушным, в его миску летели со всех сторон медяки и мелкие ассигнации.

– А то, что ты, – Грек-философ указал на Гомера, – несмотря на свою слепоту, стремишься сотворить из себя универсальный феномен, превзойти всех зрячих своей верой в скрытую интуицию, отыскивая некое шестое чувство, которым якобы не способны обладать зрячие. Ты хочешь создать из себя слепого бога, способного видеть третьим глазом то, что не под силу простым людям. Ты пыжишься соответствовать своему идеалу до такой степени, что лезешь вон из кожи, чтобы достичь того, чего еще не существует в мире, а именно конечной завершенности человека. Не знаю, как ты себе ее представляешь, но вряд ли когда-нибудь будут взирать на тебя как на Абсолют, и слушать тебя как Бога или вместо Бога.

Слепой пришел в крайнее возбуждение, и собрался было уже достойно ему ответить, но Грек-философ переключился на другого собеседника:

– А что касается тебя, преподобный Нивос, жалкое ничтожество, мнящее себя суперменом, нигилист проклятый, ты отвергаешь любую веру человечества, любое толкование мира и бытия ты считаешь обманом и надувательством. Во всем ты сомневаешься, и все ставишь под вопрос, но делаешь это не бескорыстно, а согласно твоим жизненным принципам, которые при помощи нигилизма маскируют твою волю к власти и удовольствие половить рыбку в мутной воде. Любое светлое воззрение ты пытаешься замутить, чтобы извлечь из этого выгоду. Я тебя давно раскусил.

Нищий дошел до их мест и протянул к ним свою миску, но вместо милостыни ему пришлось выслушать такой поток интеллигентной брани, что он застыл как разбитый параличом и не мог сдвинуться с места.

– А ты-то, ты-то, – возбужденно орал Нивос Родеф, – что ты-то представляешь собой, жалкий профессоршкa, возомнивший себя светилом науки, верящий в чудеса и небылицы, которыми темные бабки уже давно не потчуют своих детишек в захолустных деревнях. Ты же

из полоумной брехни маразматиков и бабьих небылиц выпекаешь диссертации и на полном серьезе предлагаешь их на суд взрослым людям. Твое ничтожное мировоззрение отягощено такими суевериями, что диву даешься, как ты еще до сих пор не попал в психбольницу.

– Я тоже давно заметил, – увлеченно подал свой голос слепой, – что наш уважаемый профессор, отягощенный суеверно-галлюцинационными расстройствами, страдает к тому же и маниакально-депрессивным психозом. Да как может наше образование доверять своих студентов такому больному шизигу, постоянно впадающему в состояние тихого помешательства. Это надо же такому случиться, чтобы из-за его параноической идеи-фикс о якобы живущем в его квартире дьяволе, мы поперлись в такую даль.

– Надеюсь, хотя бы в этом-то вы не раскаиваетесь, – язвительно заметил обоим Грек-философ, – а то из-за чего бы разгорелся весь этот сыр-бор. Чем вы еще недовольны? Вас в моей квартире хорошо напоили, накормили, а в конце и обслужили по высшему разряду. Так что вам еще нужно? Кто несколько минут назад закатывал к потолку глаза, предаваясь воспоминаниям о времени, проведенном в объятии госпожи Бюстмарк? А кто еще недавно клялся в своей дружбе господину Тотищеву и предлагал ему сотрудничество в переводе "Батрахомиомахии" Пигрета и благодарил меня потом за возможность познакомиться с такой изысканной публикой? А кто пил на брудершафт с Баталиным и Арцыбашевым и приглашал их на свою свадьбу? А то из ваших претензий ко мне можно подумать, что вы плохо провели сегодняшний вечер.

При этих словах нищий, стоящий в проходе с протянутой миской, вдруг пришел в состояние крайнего возбуждения и, трясась от гнева, заорал:

– Да как они смеют в мое отсутствие устраивать подобные угощения и оргии на деньги, которые я зарабатываю в поте лица, попрошайничая на вокзалах и в электричках? Знаю я эту публику, которая и имена-то себе присвоила чужие. Стоит только выйти из дома на заработки, как они уже снова все вместе, превращая мою жену в проститутку из публичного Дома. Мало того, что сами ее трахают, так торгуют ею перед всякими проходимцами.

При этих словах он грозно потряс своим посохом и исчез, словно растаял в дымке.

От подобного чуда пес Диоген вскочил с места, ошетинил шерсть и несколько раз пролаял на весь вагон, за что получил удар тросточкой от своего хозяина. Грек-философ и Нивос Родеф обалдело озирались по сторонам, не проронив ни единого слова. Другие пассажиры, видевшие внезапное исчезновение старика, тоже были потрясены настолько, что даже прекратили свои разговоры. Некоторое время в вагоне слышался только перестук колес о рельсы.

– Что произошло? – спросил слепой Гомер, хорошо чувствующий перемены в окружающей среде.

– Нищий исчез, – придя немного в себя, промолвил Нивос Родеф.

– Как это исчез? – не понял слепой.

– Исчез, словно испарился.

– Не может быть.

– Вот тут рядом стоял, ты же его слышал, потом заколебался в воздухе и исчез.

– Совсем и исчез?

– Не оставил никакого следа.

– А ты меня не разыгрываешь?

– Если мне не веришь, спроси у народа – полный вагон свидетелей.

– Как же так случилось?

– Если бы мне знать.

Из-за происшедшего чуда друзья вмиг забыли о своей ссоре и до конца поездки обсуждали этот казус так же, как и многие другие пассажиры вагона. Ими было выдвинуто несколько версий, но ни одна из них не тянула до научно обоснованного объяснения. Да и случай-то

был из ряда вон выходящий, уж слишком казался недостоверным и не укладывался ни в какие понятия. Как одна бабка, ехавшая в этом вагоне, заметила:

– Что делается-то в мире, до чего дошел народ. Этих нищих гоняет милиция, так они вон как научились исчезать вовремя.

Выйдя на вокзале, друзья распрощались, договорившись встретиться на следующий день. Слепой Гомер с собакой Диоген сели в такси и благополучно добрались домой. У Грека-философа состоялось бурное объяснение с женой по поводу столь позднего возвращения. Нивоса Родефа дома тоже ждала неприятность – его невеста, получившая накануне вторую пару ключей, не выразила бурной радости по поводу его столь долгого отсутствия. Таким образом, закончился тот необычный вечер, устроенный в честь Вакха нашими доморощенными фаллофорами.

5. Игра в карты египетских богов

Зевс же богов и богинь всех на звездное небо сзывает...

С радостным смехом спросил, не желает ли кто за лягушек

Иль за мышью воевать. А Афине промолвил особо:

"Дочка, быть может, прийти ты на помощь мышам помышляешь,

Ибо под храмом твоим они пляшут всегда с наслажденьем,

Жиром, тебе приносимым, и вкусною снедью питаюсь".

Пигрет (конец VI и начало V в. до н. э.)

"Батрахомиамахия" ("Война лягушек и мышей")

Мой хозяин улегся спать храпит без задних ног а на меня как всегда от его храпа нападает бессонница не могу спать хоть тресни особенно когда полнолуние как сегодня когда хозяин спит то не пускает меня в свою комнату вероятно боится моих острых клыков опасается что я могу его во сне придушить ночью и поэтому закрывает к себе дверь в моем распоряжении остаются прихожая и кухня из окна которой видно ночное небо со звездами а в прихожей темно хоть глаз выколи но в темноте можно лучше сосредоточиться ничто не отвлекает от мыслей в такие минуты сожалеешь что не хватает друга не с кем словом перекинуться вот бы вызвать к себе моего почитаемого бога Анубиса как это он учил меня а вспомнил нужно попробовать зубами поймать себя за хвост вот дельце не из легких где-то уже я видел подобную картинку змея заглатывающая себя с хвоста здорово это именно то когда человек погружается в свои мысли и пытается в них ухватить себя за что-нибудь например за свою совесть анализируя свои поступки в прошлом людям очень нравятся подобные само копания их хлебом не корми дай только пофилософствовать о своем месте в жизни отчего говорят у них и зародилась эта совесть и прочая дребедень которыми они себя ежедневно истязают как просто жить в мире смотря на все собачьими глазами не копаясь в себе не отыскивая своих недостатков на это самоедство иногда становится забавным смотреть со стороны интересно наблюдать как люди стоят подолгу перед зеркалом изучая свое лицо как хорошо что мой хозяин слеп и ему не нужно предаваться этой процедуре но у него другой комплекс его угнетает его слепота от этого он и стремится сделаться суперменом создать из себя некое слепое божество по-видимому у всех ущемленных сущностей возникает это странное стремление к совершенствованию иными словами желание переплюнуть свою природу но к счастью не все подвержены этому безумству вот к примеру взять хотя бы меня я обычная собака не хуже и не лучше других и от сознания своей обыкновенности я нисколько не комплекую и уж тем более не хочу становиться орлом львом или тигром у меня есть хвост чтобы отгонять мух и выражать свои чувства кстати человек лишен такой благодати и поэтому его чувства так и прут из всех его щелей через жесты и мимику кроме того я обладаю тонким слухом и чутьем у меня превосходное зрение и мгновенная сообразительность сами люди пришли к заключению что ум это быстрота а сколько среди них тугодумов моя мысль пронесется в голове и я уже думаю о другом а они способны часами подобно резинке жевать и пережевывать одну и ту же мысль до отрыжки иногда когда я с ними на меня вдруг находит такая тоска что хочется бежать хоть на край света попробую-ка я вызвать своего бога Анубиса сделаю это тихонько чтобы не разбудить хозяина прижму свой хвост задней лапой к полу и попытаюсь прикусить его зубами вот какой я сообразительный пес...

Ба-а что же произошло мой бог не появился а я как будто сам куда-то провалился или улетел это же не прихожая моего хозяина здесь совсем другая стойка для зонтов к тому же и запахи другие ба-а да это же прихожая покойной матери Грека-философа но как я здесь очутился вот вопрос...

Ба-а дверь открывается, и кого же я вижу да ведь это мой разлюбленный бог Анубис собственной персоной здрасте вам...

– Привет, пес. Ты пытался меня вызвать не ко времени, поэтому я не смог к тебе переместиться и перенес тебя сюда. У нас сейчас идет совещание.

– ...понятно если Магомет не идет к горе то гора приходит к Магомету...

– Ну, вот видишь, какой ты умный пес. Посиди-ка немного один здесь, пока я освобожусь. А потом поболтаем. Только не шуми, тебя здесь не все любят.

...ушел мой бог ну да Бог с ним мне все равно где находиться здесь или там думаю что за мое отсутствие не обокрадут моего хозяина да и красть у него нечего разве что его шупательные книги думаю что слепого может обокрасть только слепой посижу здесь послушаю о чем они болтают дверь немного приоткрыта все видно что творится в зале ба-а да здесь собралась вся честная компания вместе с богом Амоном все они сидят за круглым столом и играют в карты а что это у них на столе извивается подобно червям так ведь это же души знакомых философов и моего господина какие они гадкие похожи на навозных червей видать Амон поставил их на кон разыгрывать ну-ну поглядим что будет дальше...

– Только попробуйте мухлевать, – грозно заявил "царь всех богов" Амон, – сразу же любого согну в бараний рог. Я думаю, почему это я вам все время проигрываю, ни одного раза еще у вас не выиграл?

– Не везет в игре, повезет в любви, – заметила хитрая богиня Баст, зевнув и выгнув спину по-кошачьи.

Бог Амон, уставившись на нее своими бараными глазами, подозрительно продолжал:

– Разве может такое быть, чтобы садиться с вами за карты и ни одного раза не выиграть? Разве может быть такое без надувательства?

– Для такой игры мозги нужно иметь не бараны, – ответил Тот, сдавая всем карты.

– Бери пример с моего мужа, – улыбнувшись, сказала Баст. – Он никогда не садится с ними играть, знает, что всегда продует, они – мастера высокого класса, друг друга обштопывают так, что диву даешься. Куда уж с ними тягаться, всегда будешь ходить с пустыми карманами. Не надейся у них выиграть, а лучше побирайся по поездкам и вокзалам, как делает это мой муж, и у тебя всегда будут деньги, ведь воровать ты все равно не умеешь. А это – прибыльное дело. Как бы там ни было, а живем все мы на подаяние моего мужа. Он отдает деньги мне, я проигрываю их вам, а вы уж потом проигрываете их друг другу. Признайтесь, ведь так же? Никто из вас не имеет других доходов.

– Кстати, а когда он вернется? – спросил рогатоголовый Бат, просматривая сданные Тотом карты.

– Как всегда, очень поздно, – ответила Баст. – Пока не обойдет все электрички и вокзалы, домой он не возвращается.

– Тогда время есть, поиграем, – потер руки Анубис, принимая от Тота свои карты.

Банкометчик Тот, сдав карты всем, спросил:

– Кто играет?

– Я пас, – мякнула богиня с кошачьей головой. – Всегда сдаешь мне никудышные карты.

– Я тоже пас, – твякнул получеловек-полусобака.

– И я не играю, – промычал рогатоголовый бог.

– А я играю, – заявил бог с бараными мозгами. – Сегодня мне должно повезти, чувствую это своей шкурой.

– А что ты ставишь? – спросил его Тот, щелкнув своим клювом. – Я вижу, у тебя сегодня опять нет денег?

– Играю на души людей, – сказал Амон.

– Сегодня они не в цене, – заметил Тот.

– Первокласные души, – воскликнул Амон. – Я их только что снял с электрички. Видишь, как они извиваются.

– Сколько ты за них хочешь? Амон задумался, боясь продешевить.

– Это – души философов, – сказал он после некоторого раздумья. – Они должны цениться дороже других. Вот эта, что крутится, как угорь на сковородке, принадлежит профессору, владеющему древнегреческим языком. Он уже столько написал диссертаций о древних богах, сколько тебе и не снилось, во всяком случае больше, чем перьев на твоей хохлатой голове. Эта душа, что норовит выпрыгнуть со стола, принадлежит другому мыслителю, который работает над формами трансценденции.

– А это что за кишка, которая тычется как слепая носом в разные стороны? – спросил Тот, указав на толстую жирную душу, похожую на улитку, выбравшуюся из своей раковины.

– Это – душа поэта, – ответил бараноголовый Амон, – кстати, очень талантливого и подающего надежды.

– Он, что же слепой? Почему он такой малоподвижный и неуверенный в себе?

– Это так, но зато он собирается написать свою "Идиллиаду", к тому же многие его считают современным Гомером.

– Все ясно, – воскликнула кошкообразная богиня. – Я узнаю эту троицу. Еще два часа назад они были нашими гостями, и я занималась с ними любовью.

– Вот так дела, – воскликнул удивленный Амон и покачал своей бараньей головой. – Значит, в электричке я их взял тепленькими сразу после приема у вас. Но мне ничего об этом не было известно. К тому же, это моя добыча, и не в моих правилах возвращать души их владельцам. Если хотите, то можете попытаться отыграть их у меня.

– Кстати, у владельца одной из этих душ мы снимаем квартиру, – с укором заметила Баст. – Как-то неудобно разыгрывать его душу в карты. Я считаю это аморальным.

Но Амон уперся, как баран в новые ворота, стоял на своем и не хотел уступать.

– Это мои души, – твердил он. – И я буду делать с ними все, что захочу.

– Сколько же ты за них хочешь? – вновь повторил свой вопрос Тот.

– За душу слепого поэта – не менее тысячи рублей, ну а за двух других – по две тысячи за каждую, потому как они зрячие.

– Идет, – воскликнул Тот. – Играю на душу слепого Гомера.

Он выложил на стол тысячу рублей и стал вынимать из колоды себе карты.

– Туз, валет, дама, король, – объявлял он громким голосом, как крупье в престижном казино. – Двадцать очков. Мне хватит. А у тебя?

– Девятнадцать, – разочарованно выдохнул огромными ноздрями воздух из груди Амон. – Проиграл, я же говорю, что мне вечно не везет.

Тот склонил к столу свой длинный клюв, подхватил им душу бедного поэта и, подбросив ее в воздухе, проглотил. Затем собрал со стола все карты и перетасовал.

– Играем дальше? – спросил он. Все выразили свое согласие.

– Ставлю на кон душу трансцендентатора, – объявил Амон, – ценой в две тысячи рублей, совсем по дешевке, можно сказать задаром.

На этот раз, на стол выложил две тысячи рублей быкоголовый Бат. После подсчета своих очков, игроки запросили по одной карте.

– Перебор! – воскликнул разъяренный бараний бог Амон и так хватил ими о стол, что бедные карты, отскочив от поверхности, взмыли подобно птичкам вверх под потолок.

Быкоголовый бог потянулся за душой Нивоса Родефа, но в это самое мгновение, когда карты еще парили в воздухе, атмосфера в комнате заколебалась и, откуда ни возьмись, можно сказать, из ничего, явился человек, весь укутанный с головы до ног в черное одеяние, из-под

которого были видны худые руки, держащие посох и миску для подаяния. Старик стукнул посохом по полу и громогласно возвестил:

– Ослы вислоухие, скопище негодяев, бараны недорезанные, бешеные собаки и ободранные индюки, козлорогие твари, сколько еще вы будете сидеть на моей шее, проклятые, и кормиться из моего кошелька? Я в поте лица тружусь, не зная ни сна, ни отдыха, ношу туда-сюда свои старческие мощи, зарабатываю жалкие гроши, унижаюсь, выпрашивая копейки на пропитание, а вы, молодые лбы, на вас пахать можно, проводите это время в безделье, пьянстве, кутежах и разврате. Я вижу, что у всех у вас баранья совесть и никакого стыда. Как вы можете? Я – только за дверь, вы тут же устраиваете здесь свой вертеп, играете в карты, напиваетесь, трахаете мою жену. Мало того, что вы меня делаете рогносом, так еще и приглашаете с улицы всяких проходимцев и затаскиваете в постель к моей супруге. Совсем ее развратили, превратили в дешевую проститутку.

– Меня здесь не было, отец. Я сам пытался разжиться деньжатами, – пробовал оправдаться бог с бараньей головой, но его, тут же пресек на полуслове грозный старец.

– Не о тебе сейчас речь, баранья башка, я говорю о молодежи, которая совсем скурвилась. Я не удивлюсь, если скоро узнаю, что вы начали вкалывать себе наркотики от безделья.

– Но позвольте, господин Птах, зачем же всех стричь под одну гребенку, – возразил ему нахальный Тот. – Если бы мы достойно не встретили сегодня этих хозяев квартиры, то вы бы завтра вместе с вашей супругой оказались на улице. И вместо благодарности нам, мы вынуждены выслушивать от вас поток упреков и ругательств. Нет уж, увольте.

– Это правда? – спросил старец у своей молодой жены.

– Сущая правда, – поспешно подтвердила она. – Они уже хотели нас выселить.

– И все равно это не повод, чтобы пускать их в свою постель, – строго заметил старец. – А что это у вас на столе?

– Их души, – пролепетал бараний бог.

– Как они здесь очутились? – рассвирепел прародитель богов.

– Это Амон снял их с электрички, – пояснила Бат и указала на бога с опущенной головой и закрученными бараньими рогами.

– Простите, отец, я совсем этого не знал, – сказал упавшим голосом "царь всех богов".

– А что о нас подумают люди? Тебе, баранья бестолочь, это не пришло в голову?

– Если бы я знал об этом заранее, то никогда бы не сделал этой глупости. Простите меня, отец.

– Мало я тебя драл в детстве розгами. Люди нам делают одолжение, а ты тут же похищаешь их души, круглорогая скотина.

– Извини, отец, больше не буду. Прародитель Птах подошел к столу и сгреб все деньги себе в миску и высыпал за пазуху, затем бережно двумя пальцами за кончики хвостов приподнял извивающиеся души философов над столом и объявил:

– Чтобы завтра же вернули их хозяевам.

– А одну душу уже проглотил Тот, – доложила старцу его молодая супруга.

Ее замечание опять привело старца в яростное состояние духа.

– Как ты посмел, наглец, съесть душу человека, от которого получил милость?

– Но я ее выиграл у вашего сына, – нагло заявил Тот, – и она по праву принадлежит мне.

– А ну-ка живо марш в туалет, и чтобы через пять минут его душа оказалась у меня на столе. Понял?

Старец огрел посохом своего сына Амона, после чего Тот уже не осмелился вступать с ним в спор и быстро скрылся в коридоре, ведущем в совмещенный санузел.

– И не возвращайся, покуда не добудешь из себя эту душу, – орал ему вслед грозный старец.

За столом царило гробовое молчание.

– Что это еще за новости? Какие имена вы себе напридумывали? – обратился Птах к оставшимся. – Что это еще за Тотищев? Это тот придурок, который блюет сейчас в туалете? Так он – Тот, а не Тотищев, так и передайте этому дерьму. А ты, значит, Баталии, бычья твоя душа? А кто мою жену окрестил Бюстмарк? Если хоть раз еще услышу эти клички, всем поотрываю уши. Совсем перепоясались, всякий страх потеряли.

Боги притихли, сидели, не поднимая глаз от стола.

– Ну, что там этот Тот, дерьмо на палочке? Что делает в туалете? Скоро он там еще? Долго мне ждать его? Ну-ка сходи, посмотри.

Бог Амон сорвался с места и исчез в коридоре.

– Как он там? Получается у него? – крикнул старец через некоторое время в его сторону.

– Нет, – ответил Амон виноватым голосом, докладывая. – Никак не может ее исторгнуть из себя. Не идет душа слепого ни туда, ни сюда, застряла в нем крепко. Он и пыжится и выворачивает себя наизнанку, но все напрасно. Может быть, она уже переварилась в его желудке?

– Пусть только попробует не принести ее мне, я обломаю всю трость об его спину. Так и передай ему.

Через некоторое время бледный Тот появился из туалета, между пальцами он держал омытую душу слепого поэта, которая от страха сжалась в комочек. Каким путем он извлек ее – этого уже никто у него не допытывался.

– Прекрасно, – воскликнул старец, получая из рук в руки душу слепого, – это будет для тебя хорошим уроком, впредь на чужой каравай рот не разевай.

Птах бережно сложил все три души философов в носовой платок, завернул их и спрятал у себя за пазухой.

– Завтра верну их им лично, – объявил он. – Ну а сейчас время позднее, прошу всех разойтись по домам.

Боги, не мешкая, поспешно стали откланиваться. Первым выскочил в прихожую собачий бог Анубис, увидев Диогена, поспешно заговорил:

– Извини, брат, не удалось поболтать. Сам видишь, какая катавасия получилась, давай быстрее уносить отсюда ноги. Тебе куда? Ах да, нужно отправить тебя к твоему хозяину? Ты уж не серчай на меня, дорогой. В следующий раз непременно пообщаемся, а сейчас, прощай.

Не успел еще Диоген ему ничего ответить, как его понесло сквозь стены в другой город. Так неудачно окончилась первая попытка Диогена поближе познакомиться со своим богом.

6. Беседа мудрецов на кухне

*Так посмеялся Кронид, и ему отвечает Афина:
"Нет, мой отец, никогда я мышам на подмогу не стану,
Даже и в лютой беде их: от них потерпела я много:
Масло лампадное лизут и вечно венки мои портят,
И еще горшею обидою сердце мое уязвили:
Новенький плащ мне прогрызли, который сама я, трудясь,
Выткала тонким утком и основу пряла столь усердно.
Дыр понаделали множество, и за заплаты починщик
Плату великую просит, а это богам всего хуже.
Да и за нитки еще я должна, расплатиться же нечем.
Так вот с мышатами..."*
Пигрет (VI-V вв. до н. э.)
"Батрахомиамахия" ("Война лягушек и мышей").

Около двух часов дня на кухне у слепого Гомера собралась вся обездушенная троица философов. Хозяин квартиры поил гостей чаем. Из открытого окна с пятого этажа хорошо просматривалась часть набережной и торец гостиницы "Интурист". Кучка иностранцев, собирающаяся отбыть автобусом на экскурсию, еще прогуливалась перед гостиницей и по набережной, где их ловили проститутки-одиночки и при помощи жестов пытались договориться об обслуживании в номерах на вечер или даже всю ночь за очень умеренную цену. Глядя на эту мирную сцену, Грек-философ заметил:

– И что людям не сидится дома, что их гонит в такую даль?

– Ты это о туристах? – спросил слепой Гомер. – Через окно я частенько слушаю их иностранную речь. Кого только здесь не бывает: японцы, немцы, французы, итальянцы. Вот только греков мне ни разу не приходилось слышать.

– Греки сидят дома, – ответил Нивос Родеф. – У них прекрасная страна – суший рай на земле, нужно быть безумцем, чтобы с Эгейского моря тащиться куда-то в далекую Сибирь к чертям на кулички, да еще летом.

– Так что же их всех гонит из своих прекрасных стран? – повторил свой вопрос Грек-философ.

– Я думаю тело, – сказал слепой.

– А почему не душа? – удивился Нивос Родеф.

– А ты вспомни беседу Сократа с Симмием из платоновского "Федона". Сократ во всем обвиняет тело. Он так и говорит, что тело наполняет нас желаниями, страстями, страхами и такой массой всевозможных вздорных призраков, что из-за него нам невозможно о чем бы то ни было поразмыслить. Я думаю, что нам некогда думать об истине, тело нас загоняет в суету сует, и здесь ничего не поделаешь, вместо того, чтобы сидеть на одном месте и предаваться нашим размышлениям, мы срываемся, как угорелые, и мчимся за тридевять земель, чтобы опять окунуться в другую суету. Ведь как говорил Сократ, что даже войны происходят ради стяжания богатств, а стяжать их заставляет нас тело, которому мы по-рабски служим, по вине тела у нас нет досуга для философии.

– Ты хочешь сказать, что если постоянно предаваться философии, то можно освободиться от заботы о теле? – с сарказмом спросил его Нивос Родеф.

– Какое там! – воскликнул удрученно слепой. – Тело и тут находит нас, шепчет нам на ухо всякие непристойности, сбивает с пути истины, путает, приводит в замешательство и смятение, и мы оказываемся не в силах разглядеть истину. Сократ доказывал, что достигнуть ясного

знания о чем бы то ни было можно, только отрешившись от тела и созерцая вещи сами по себе самой по себе душой. Он говорил, что только после смерти мы можем что-то познать нашей чистой душой, а при жизни это невозможно.

– А у кого вообще нет души, – спросил нигилист Нивос Родеф, – тому, значит, заказана дорога к истине?

– Это невозможно, у нас у всех есть души, – убежденно заявил слепой.

– В этом я очень сомневаюсь, – позволил себе заметить Нивос, – вообще-то я не верю не только в бессмертие души, но и в ее наличие.

В этот раз на защиту идеи слепого встал Грек-философ.

– Наличие души в теле доказывается хотя бы тем, что иногда душа остается наедине с собой, без тела. Ведь когда мы предаемся своим мыслям, то забываем о своем теле. Получается, как бы парадокс, если хочешь погрузиться в размышления, постарайся забыть о своем теле. Если сознательно ограничивать связь души с телом, то можно избежать заражения его природой, а это принесет нам избавление от безумства тела, в результате чего мы обретаем возможность соединения с бестелесными сущностями и способность познать собственными силами все беспримесное, что и является истиной. По мнению Сократа, нечистому касаться чистого не дозволено.

– Какая галиматья, – воскликнул Нивос Родеф. – Если мы не будем поддерживать свое тело в хорошем состоянии или хотя бы питать его, то, уверяю вас, никакая душа в нем не удержится. Она мгновенно умрет вместе с телом. Смею вас заверить, что, прежде всего, мы с вами представляем тела, и в нас нет никаких душ и быть их не может.

В это время в прихожей залаял Диоген. Залаял он оттого, что рядом с ним заколебался воздух, и из пустоты, неведомо как, появился человек, весь укутанный в черный балахон. В руках он держал посох и миску для подаяния, на которой извивались три толстых червяка. Старик смущенно кашлянул и постучал три раза посохом о пол.

– Кого это еще принесла нелегкая, – сказал Нивос Родеф.

– Тьфу-ты, – выругался слепой. – Я хорошо помню, что закрывал дверь на замочку. Пойду, открою.

Но надобности в этом уже не было, закутанный в балахон старец входил на кухню.

– Нижайше прошу прощения за мое беспокойство, – сказал он. – Я осмелился вас потревожить лишь для того, чтобы принести вам слова моей благодарности и вернуть то, что принадлежит вам по праву.

– Но как вы сюда попали? – удивился хозяин квартиры. – Ведь дверь была запертой.

– Еще раз приношу извинения за мое вторжение, но мне нужно вам вернуть ваши души, – молвил старик, пропустив мимо ушей вопрос слепого.

– Какие еще души? – воскликнул обалдевший хозяин квартиры.

– Вот эти, – ответил старец, протянув миску.

– Что там? – спросил слепой у друзей.

– Какие-то безобразно мерзкие черви, – ответил Грек-философ.

– Да он над нами издевается, – воскликнул пришедший в негодование Нивос Родеф.

– Еще раз прошу прощения, позвольте вам все объяснить, – быстро заговорил нищий. – Вчера в электричке мой бараноголовый сынок Амон случайно похитил ваши души. Обещаю вам его за это сурово наказать. Вечером его дружки собирались проиграть их в карты, но я вовремя появился, отнял их и вот с извинениями возвращаю их назад.

– Кого "их"? – опять не понял слепой.

– Ваши души.

– Этих червей? Вы хотите сказать, что наши души похожи на червей?

– Какие есть, такие и возвращаю, – с достоинством ответил старец.

– Да ты что, не видишь, что он издевается над нами, – опять вскричал Нивос Родеф, обращаясь к слепому.

– И все же вы должны их принять, – настаивал старец в балахоне, протягивая им миску, – без них вам никак нельзя обойтись.

Нивос с силой ударил по миске снизу вверх, отчего души взлетели к потолку. Две души быстро нашли своих хозяев и прямо в полете вонзились в них подобно буравчикам, растекаясь по их телам. Третья же слепая душа шмякнулась на посудный шкаф и завалилась в щель между ним и стеной.

– А ну живо катись отсюда, старая развалина, – закричал Нивос Родеф, – пока я не выбросил тебя из окна с пятого этажа.

В мгновение ока старик растаял в воздухе как дымка. Обалдевшие философы, видевшие это чудо, потеряли дар речи.

– Что произошло?! – вскричал встревоженный слепой.

– Э-э-э...

– Ме-е-е...

– Да что такое, – занервничал Гомер, – я же ничего не вижу, не забывайте мне объяснять ситуацию, с вашими "бе", "ме" и "кукареку", трудно разобраться, что происходит в мире.

– Он опять исчез, – наконец обретя дар речи, произнес Грек-философ.

– Как исчез? – не понял слепой.

– Опять испарился, как прошлый раз в электричке.

– Ну и дела-а! – удивился слепой. – А где те черви, которые он хотел нам подарить, утверждая, что они являются нашими душами?

– Они тоже исчезли.

– Вместе с ним? Ну и дела-а! А вы хорошенько поищите его в квартире, может быть, он где-нибудь спрятался.

– Да кого там спрятался, на наших глазах он превратился в дымку, словно сгорел, – подтвердил слова Александра Нивос Родеф. – У меня даже мороз по коже пробежал.

– Что-то неспроста этот старик последнее время стал нам являться, – заметил Грек-философ. – Как бы он на нас какой беды не накликать. Не мешало бы нам, всем троим, сходить в церковь помолиться.

– Ты совсем помешался, – воскликнул Нивос Родеф. – Ты хочешь, чтобы я, атеист, отправился в церковь молиться неизвестно кому и чему? И впрямь, кое у кого крыша поехала от этих потрясений. Я вижу проявление у тебя явных признаков демонологии.

– Лучше уж быть демонологом, чем отъявленным нигилистом, – молвил Грек-философ, – и ни во что не верить. Как можно быть таким слепым: видеть чудо и утверждать, что ничего не случилось. Вот уж истинно о ком говорят: неверующий Фома.

– Я не отрицаю того, что произошло здесь, – отвечал Нивос Родеф, – но до тех пор, пока мы не сможем объяснить это явление с научной точки зрения, не стоит этому событию предавать большого значения.

– А мне кажется, – вмешался в разговор слепой Гомер, – если человек проявляет такие необыкновенные способности, то и сам он является необыкновенным существом.

– Что ты имеешь в виду? – спросил его Нивос Родеф. – Неужто ты хочешь сказать, что перед нами сейчас возникало явление какого-нибудь бога?

– Кто знает, может быть и так, – молвил слепой. – Во всяком случае, другого объяснения у меня нет.

– Вы оба с ума посходили, – заявил Нивос Родеф. – Пойду-ка, проветрюсь, а то с вами и у меня может крыша поехать. Уже всякие галлюцинации начинают казаться.

Он вышел в прихожую, взял с вешалки свою кепку и ушел, хлопнув дверью.

– А ты что об этом думаешь? – спросил слепой у Грека-философа.

– По всему видно, что это был никто иной как древнеегипетский бог Птах, – заключил Тот, – его облик соответствует всем описаниям о нем в древних книгах. В "Памятнике мемфисской теологии" говорится, что Птах везде появлялся неожиданно в виде человека в одеянии, плотно облегчающем и закрывающем его, кроме кистей рук, держащих посох "уас". Он создавал все творения на земле, задумывая их в своем сердце, а затем называя их своим языком.

– О, Боже! – воскликнул слепой. – Как он похож на меня. Свои произведения я тоже долго вынашиваю в своем сердце, а затем перевожу на язык письма. По-видимому, и в самом деле это был бог творчества, жаль, что мы отказались получить из его рук предлагаемый дар.

– Этих ужасных червей?

– Быть может, от них мы стали бы более талантливыми, и мне удалось бы быстрее завершить мою "Идиллиаду".

Так оба философа сошлись во мнении, что их посещал бог Птах.

Наконец-то мои друзья-философы прозревают я поражаюсь насколько люди будучи по своей природе идеалистами часто считают себя законченными прагматиками с претензией на титул носителей объективной истины при видении вещей и явлений а потом сами же и удивляются что в их жизни никогда не сходятся концы с концами да они же все слепы от рождения и как правило не прозревают до конца своей жизни они в упор не видят многие реальные вещи происходящие в мире в какой-то степени эту их странность я отношу к особенности их физиологии а именно их тупоголовости вы только обратите внимание на тот факт что ни одно существо на земле не обладает такой гладкой и круглой головой как человек как бы они не старались обрамлять ее своими волосами их тупоголовость проявляется не только в их облике но и в восприятии мира а также в поступках в основном на земле обитают существа с умеренными потребностями физически закаленные и воздержанные люди же из-за своей тупоголовости составляют исключение мы собаки хотя и поддерживаем с ними контакт но все же живем ближе к природе другими словами *kata physin* согласно природе от этого наша собачья жизнь больше приближена к действительности к тому же мы обладаем поистине неограниченной свободой и не находимся в плену низменных влечений и земных благ люди порочны потому что они рабы своих страстей мы же собаки добродетельны потому что обладаем внутренней свободой мудрых псов и внешней свободой бродячих собак кому как ни нам собакам легче разбираться в вопросах свободы мнимой и истинной внешней и внутренней нам проще судить об их моральной автономии и ответственности перед их обществом ибо со стороны всегда виднее кому как ни нам понятны страдания личности в отчужденном мире так как мы вынуждены жить в чужом даже для них самих мире но то что испытываем мы собаки на своей шкуре не способен испытать ни один человек с нашего горизонтального угла зрения лучше видны проблемы их культуры и природы мы проще усваиваем пределы самоограничения и лучше разбираемся в разумных и безудержных потребностях и с нашей точки зрения критика и переоценка конвенционных ценностей будут более правильными одно меня тревожит что живя около людей мы собаки научились суетиться и подражать их образу жизни последнее время я часто подумываю о том чтобы оставить людское общество и стать бродячей собакой возможно этим поступком мне удастся сохранить свою чистую душу...

Вечером, как обычно, обитатели сданной в наем квартиры, кроме Птаха и Анубиса, собрались за круглым карточным столом.

– Ну что новенького? – спросил Тот, как всегда сдающий карты.

– Мой отец сегодня днем отнес души их владельцам, философам, – сказал "царь всех богов" Амон, как всегда играющий в долг.

- И как они его приняли?
- Чуть не выбросили из окна с пятого этажа.
- Вот и делай после этого людям добро, – промурлыкала кошачья богиня Баст.
- Они же тебе очень понравились, – заметил Тот, явно намекая на любовную сцену, произошедшую накануне в этой самой комнате.
- Да не так чтобы очень, – мяукнула богиня, заглядывая в свои карты. – Просто я бы не хотела показаться неблагодарной.
- Если бы они в самом деле сбросили твоего мужа с пятого этажа, кто бы тебя содержал? – спросил дотошный Тот. – Уж тогда бы тебе точно пришлось пойти на панель. В карты ты играешь неважно.
- Вижу, что проигрываю, – богиня прикусила нижнюю губку от огорчения и бросила карты на стол.
- А как они приняли свои души? – продолжал допытываться неугомонный Тот.
- Они выбили их вместе с миской из рук старика, и тому пришлось срочно ретироваться.
- Вот видишь, какие они невоспитанные.
- А одна душа завалилась за шкаф, – продолжал свой рассказ бог Амон. – Она оказалась такой же слепой, как ее хозяин, вряд ли она быстро с ним соединится.
- При упоминании о душе слепого карточный банкир помрачнел.
- Это та самая душа, которую ты проглотил, – продолжал бараний бог давить на большую мозоль Тота, – а потом никак не мог ее из себя изрыгнуть. Помнишь?
- И тут интеллигентный бог Тот взорвался.
- Вот что, разлюбезный Амон, раз твой отец забрал у меня проигранную тобой ту душу, ты должен возместить мою потерю тысячей рублей.
- Где же я возьму такие деньги? – выпучил бог свои бараньи соловые глазки.
- Это уж не мое дело, можешь начать побираться, как твой отец.
- При моей-то комплекции и отмищенном здоровье? Да меня в первой же электричке изобьют пассажиры или сцапает милиция. А душу слепого ты можешь получить обратно, нанеси ему визит, он все равно ни черта не видит, заговори ему зубы и тихонько достань ее из-за шкафа.
- Как это я раньше не догадался? – язвительно заметил ему Тот. – Спасибо за то, что просветил, а то я, лопух, никак бы не дошел своим умом. Ты мне зубы не заговаривай, а гони тысячу рублей. Если завтра их не будет, за стол тебя не посажу.
- Ты и мне должен четыре тысячи рублей, – вспомнил быкоголовый Бат. – Я же у тебя выиграл в прошлый раз душу нигилиста-трансцендентатора, твой отец забрал ее со стола вместе с моими деньгами.
- "Царь всех богов" тяжело засопел и потер макушку между двумя бараньими рогами.
- Я же этого не хотел, – вдруг воспротивился он, – а то, что я проиграл, вам отдал. А если вы не сумели защитить свой выигрыш – ваша вина. Ничего вы от меня не получите.
- Боги-истцы, не ожидавшие такой прыти от бараньих мозгов, переглянулись. Их взгляд как бы выражал: "Ах, сорвалась рыбка с крючка!" В этот же вечер они утроили долг бога Амона, вынудив его пойти на следующий день на паперть. Богиня Баст тоже проиграла им всухую. После игры ей пришлось отдаться хохлатому Тоту шесть раз, а быкоголовому Бату – четыре. Кроме того, оба бога получили от нее обещание не мешать в возвращении им проигранных душ.

7. Дискурс Гомера с богом Тотом о поэзии

Так посмеялся Кронид, и ему отвечала Афина:

"...Все ж и лягушкам помочь не желаю:

Не по душе мне их нрав переменчивый, да и недавно,

С битвы, когда утомленная я на покой возвращалась,

Кваком своим оглушительным не дали спать мне лягушки.

Глаз из-за них не сомкнувши, я целую ночь протомилась,

И, когда петел запел, поднялась я с больной головою.

Да и зачем вообще помогать нам мышам иль лягушкам:

Острой стрелой, поди, и бессмертного могут поранить.

Бой у них ожесточенный, пощады и богу не будет.

Лучше, пожалуй, нам издали распрей чужой наслаждаться".

Пигрет (VI-V вв. до н. э.)

"Батрахомиамахия" ("Война лягушек и мышей").

Наконец-то мне удалось зазвать к себе в гости моего бога Анубиса мой слепой хозяин сегодня лег спать рано и я долго слонялся из угла в угол между кухней и прихожей затем попытался вытащить лапой из-за шкафа душу моего хозяина но она так перепугалась что забилась в дальний угол затем мне удалось поймать зубами себя за хвост и как и обещал ко мне в ту же секунду явился мой бог мы устроились с ним на кухне перед открытым окном он сел на табуретку я же пристроился рядом с ним положив передние лапы на подоконник в таком положении мы долго вели умные беседы интересно вот если бы кто-нибудь снаружи попытался нас разглядеть то увидел бы в окне две собачьи морды и никто бы не догадался что я сижу с богом на небосклоне тихо зажигались звезды внизу по набережной совершали свой! вечерний моцион полусонные горожане около гостиницы "Интурист" проститутки поджидали иностранцев а затем с ними уходили в номер нам с богом Анубисом было интересно наблюдать эту картину ночной жизни города и обмениваться мнениями по поводу людских пороков к полуночи когда совсем стемнело и прохожих стало совсем мало один таксист снял девочку на бульваре и прямо на скамейке занялся с ней любовью и на полчаса вся округа огласилась ее стонами глядя на эту сцену сверху мой бог Анубис испытал некое волнение я это заметил по его дергающейся ноге затем он спросил выводит ли меня на прогулку слепой я ему пожаловался на отсутствие ко мне подобного внимания со стороны моего хозяина тогда бог Анубис любезно предложил вывести меня на прогулку и я согласился мы спустились по темной лестнице во двор и стали прохаживаться перед гостиницей "Интурист" вскоре к нам подошла одна девушка вышедшая из номера иностранца который судя по ее довольному виду хорошо заплатил ей за обслуживание но она была не прочь еще немного подзаработать поэтому и подошла к моему богу Анубису я скромно отошел в сторонку дабы не мешать их переговорам однако до моих ушей все же долетели обрывки фраз произносимые девушкой что отвечал ей мой бог я не мог разобрать из-за низкой частоты его голоса который превращал его говор в сплошное гудение получалось нечто похожее на следующий диалог бу-бу-бу бу-бу-бу а почему у вас такое необычное лицо бу-бу вы из какой страны бу-ба-бу я слышала в Египте живут арабы но вы что-то не похожи на араба бу-бы говорите из пустыни неужели там живут еще дикие племена с такими как у вас рожами бу-ба-ба а у вас есть деньги ба-ба если вы мне хорошо заплатите то я могу обслужить и вашего друга ба-баб-ба-ба не важно я все сделаю по высшему классу бу-бу оставив девушку одну бог Анубис подошел ко мне и спросил не хочу ли я попробовать женщину я удивился и выразил всем своим видом сомнение спросив как же такое возможно ведь она же не сука на что мой бог ответил чтобы я был спокоен все пройдет по высшему классу так как девушка профес-

сионалка и чтобы я не стеснялся у него полные карманы денег которые он выиграл в карты у нашей общей знакомой квартиросъемщицы ну конечно же он имел в виду госпожу богиню Баст а с девушкой он расплатится сполна и она останется довольной я не знал что ему ответить мне было неловко отказаться и Анубис затащил меня в темный подъезд где девушка удовлетворила нас обоих потом Анубис долго расспрашивал меня о моих первых впечатлениях от знакомства с женщиной но я ничего толком не мог ему рассказать так как сам мало понимал в том что произошло потому что для меня это было новым и необычным делом потом мы шатались по ночному городу и любовались отражением в реке уличных фонарей и луны расстались мы с ним под утро когда забрезжил рассвет он отвел меня на квартиру хозяина который все еще дрыхнул без задних ног и проспал все на свете на прощание Анубис мне сказал что мы хорошо погуляли и если у меня еще возникнет желание то он в моем распоряжении очень обходительный и приятный бог таких обаятельных личностей я ни разу не встречал среди людей утром я немного подремал но вскоре меня разбудил мой хозяин звоном кофейных чашек на кухне к нему пришел бог Тот собственной персоной а я даже ничего не слышал проспал так я умаялся нагулявшись этой ночью...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.